

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН

КОРАБЛИКИ,
ИЛИ «ПОМОГИ
МНЕ В ПУТИ...»

Великий Кристалл

Владислав Крапивин

**Кораблики, или
«Помоги мне в пути...»**

«Автор»

1993

Крапивин В. П.

Кораблики, или «Помоги мне в пути...» / В. П. Крапивин — «Автор», 1993 — (Великий Кристалл)

Роман-фантазия «Кораблики, или „Помоги мне в пути...“ продолжают „командорскую тему“ „Великого Кристалла“, но решают ее в более жестком ключе. Героев этих произведений окружают жестокость и насилие.

© Крапивин В. П., 1993

© Автор, 1993

Содержание

Пролог	5
1	5
2	10
3	15
Часть первая	26
ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ПУСТОТЫ	26
1	26
2	29
3	33
«ГУСИНАЯ ЛАПКА»	40
1	40
2	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Владислав Крапивин

Кораблики, или «Помоги мне в пути...»

Пролог

ПЕТЬКА ВИКУЛОВ ПО ПРОЗВИЩУ ПАТЕФОН

1

Город наш потому, наверно, и называется Старотополь, что здесь много столетних тополей. Других старых деревьев тоже много, но тополей больше всего.

Правда, цвели они в то давнее лето жидковато – в воздухе только редкие пушинки. Зато листва выросла густая. Тесный заросший двор наш в то утро был весь в тени.

Я глянул во двор из-за двери. Тетя Глаша снимала с веревки высохшее белье. Дядя Костя у сарая возился со своим трофейным мотоциклом. На крыльцо они не смотрели. Я кошачьими прыжками достиг приоткрытой калитки, и вот – на свободе. Торопливо дошагал до перекрестка. И прежде чем уйти за угол, оглянулся на деревянный двухэтажный наш дом – пожилой, кособокий, но такой привычный...

Потом я свернул на Гончарную. И почти сразу:

– Эй, Патефон! Куда топаешь?

Это Гришка Гаврилов из нашего класса. Я сказал неласково:

– На кудыкины горы воровать помидоры...

Гаврилов был с круглой стриженной головой, полноватый и вроде бы добродушный. Но я его не любил. Помнил, как осенью, когда били Турунчика, он сопел и протискивался без очереди, чтобы ударить поскорее. «А сам-то, – безжалостно сказал я себе. – Лучше, что ли, был тогда?» И разозлился на себя и на Гришку.

Гаврилов улыбался. Он был не очень-то обидчивый.

– А что это у тебя? – Он пухлым подбородком показал на картонную коробку, я нес ее под мышкой.

– Любопытному Гавриле знаешь что отдавили?

Тогда он все же обиделся. Отошел, сообщил через плечо:

Патефон-скрипучка,
Сбоку в дырке ручка.

И зашагал поскорее.

Я был в классе не из драчливых, даже наоборот. Но будь сейчас у меня свободные руки, показал бы я Гавриле «ручку в дырке»! Последнее время я легко стал заводиться...

А впрочем, наплевать. Патефон так Патефон. Теперь-то не все ли равно?..

Эту кличку мне приклеили прошлой весной, когда узнали, что я занимаюсь в Доме пионеров, у Длинной Эльзы. Эльза, чтобы набрать себе в певцы голосистых мальчишек, ходила по школам, сидела на уроках пения, прислушивалась, приглядывалась. Таким образом и меня разглядела.

Вообще-то я петь стеснялся. Но бывало, что, если все кругом поют и песня хорошая, я забывал про смущение и что-то прорезалось в голосе...

В хор я, конечно, вовсе не стремился, но Эльза умела уговаривать. К тому же если занятия, значит, меньше буду сидеть дома под бдительными взглядами тети Глаши.

Да и ребята в хоре были добрее, чем в классе. Без всяких прозвищ тут обходилось, без дразнилок и надоевшего в школе нахрапистого пристаивания. А со смуглым быстроглазым Валькой Сапегиним мы даже стали друзьями.

И петь мне понравилось.

Эльза как-то обмолвилась, что «когда этот мальчик поет, у него распаивается сердце».

Всякие там сольфеджио и нотную грамоту я терпеть не мог, но строгая седая Эльза почему-то мне это прощала. И все чаще поручала быть солистом.

Разные у нас были песни: и пионерские, вроде «Эх, хорошо в стране Советской жить», и про недавнюю войну, и «Во поле березонька стояла», и «Веселый ветер»... Многие из них я любил. А больше всех – «Орленка». Эту песню я начинал один, а хор вступал постепенно. Как запоешь: «Орленок, орленок, взлети выше солнца», так сразу – и печаль, и смелость, и звон такой в душе...

А потом появилась еще одна песня, самая для меня хорошая. Но все это было раньше и осталось позади. Все позади...

Так, размышляя о прошлом, прошагал я всю Гончарную и вышел на Зеленую Односторонку, к берегу городского оврага. Недалеко был завод «Красный химик».

Сквозь бурьян, без тропки, я спустился по склону метров на пять. Татарник цапнул меня колючками за щиколотки, но не сильно, а так, для порядка. Слово предупредил: «Не будь растяпой, оглянись». И я оглянулся. Но никого не было поблизости, только желтая бабочка летала над чертополохом.

За сорняками виднелась кирпичная кладка. Она выступала из глинистой толщи откоса. Это была невысокая стенка из большущих старинных кирпичей. Я пробрался туда, где стенка отслаивалась от глины. За мертвой чащей прошлогоднего репейника пряталась расщелина. Только-только чтобы протиснуться такому пацану, как я. Со стороны ее трудно было заметить. Я обнаружил это место случайно, еще в апреле, когда в одиночку бродил вдали от дома, обследовал глухие окрестности (вернулся в перемазанном пальто и получил от тети Глаши вздрючку). Теперь, в рубашке-то, пролезть будет легче, да и глина высохла, не мажется.

Я протиснулся в щель. Сразу стало темно, запахло подземельем. Посыпалось за ворот. Но я, прижимая к груди коробку, проталкивался все дальше. И вот ход расширился. Я пошел вслепую. Нащупывал подошвами сандалий выбоины кирпичного пола. Не боялся. Путь мне был уже знаком. Скоро впереди забрезжило, обозначился во мраке дверной проем, под ногами оказались каменные ступени. Я спустился по ним... К воде я спустился. Она покрывала пол низкого полукруглого помещения.

Я знал, что нахожусь в церковном подвале и при этом нарушаю закон. Потому что украдкой проник на территорию завода. Вернее, под территорию, но какая разница. Конечно, сейчас на «Красном химике» не та секретность, что в годы войны, когда у завода был номер и делали здесь, по слухам, начинку к снарядам для «катюш». Ныне тут выпускают пластмассовые портсигары, посуду и голопузых кукол. Но все равно по забору тянется проволока-колючка, а у проходной переминается на толстых ногах тетка с наганом. Вот бы знала она, что сюда без пропуска проник нахальный пятиклассник Петька Викулов (к тому же выгнанный из пионеров, значит, вовсе подозрительный)...

Большая кирпичная церковь поднималась над заводским забором, над оврагом и была видна издали. Ее колокольню давно разрушили, но высокий купол и угловые башни остались, церковь была все равно красивая, похожая на старинный замок, особенно когда ее освещал закат. В те дни в ней помещался то ли какой-то цех, то ли склад. Но это – наверху. А про

подвал, скорее всего, никто не знал. Не помнил. Я это понимал и о тетке с наганом подумал просто так, мельком.

Сверху в маленькую квадратную дыру (видимо, отдушину в фундаменте) проникал рассеянный свет. В подzemелье стоял полумрак. Почему-то зеленоватый. Но я хорошо различал бугристые камни подвальных стен, глаза привыкли. Была в этих камнях железная дверь, но замурованная или заржавевшая намертво. А еще невысоко от воды виднелись узкие ниши с полукруглым верхом, похожие на заделанные церковные окна.

К одной такой нише мне и надо было пройти.

Я оставил на верхней ступени сандалии. Размотал на коробке шпагат, отбросил крышку. Достал кораблик. Побаякал его в ладонях...

Он был размером с голубя, легонький такой, мой кораблик. С корпусом из большого куска сосновой коры. Но вовсе не такой, какие весной мастерят ребята, чтобы пускать по лужам. Он у меня был красивый. Паруса не бумажные, а из тонких белых лоскутков. И снасти натянуты как полагается – из суровых ниток и проволоки. И реи, и бушприт – все как у настоящего. И даже штурвал был – из медного колесика от будильника. А на высокой кормовой надстройке я выжег увеличительным стеклом название и завитки узора... Я целых две недели строил его – неторопливо, старательно. И он был похож на те старинные корабли, которые бывают в книжках про давние путешествия...

Воды в подвале было больше, чем в прошлый раз. Тогда она еле закрывала пол, а теперь залила нижнюю ступень. Я осторожно опустил одну ногу, вторую. Встал, потоптался. Ох, просто ледяная. Пошел потихоньку. Раньше я бывал здесь в резиновых сапогах, а сейчас-то... Ну ничего.

Щербатый каменный пол был слегка наклонным. Где-то на десятом шагу вода подобралась к брюкам. Брюки были обычного для того времени ребячьего фасона: из серой материи «елочка», широкие, застегнутые под коленками. Я отпустил кораблик поплавать и расстегнул манжеты брюк, чтобы подвернуть штанины повыше. При этом одна пуговица – тугая и вредная – оторвалась и булькнула. Ну и пусть...

Ноги защекотало, зашипало, потом все ощутимее стало покусывать и подергивать. Где-то прохудилась изоляция подземной электропроводки, ток разбегался по воде. Возможно, это было сильное напряжение. Но я терпел его легко и не боялся.

Такой уж я уродился: ток не причинял мне вреда. Мама рассказывала, что однажды застала меня, трехлетнего, сидящим на столе у лампы с воткнутым в гнездо штепселем. Я снял абажур, вывинтил лампочку и ковырял пальцем в патроне, хихикая от «щекотки». Мама чуть в обморок не грохнулась...

Да и потом, если меня ударяло током от плитки или утюга, я только радостно ойкал и смеялся.

Может, я и правда какой-то заколдованный? Недаром на левой лопатке у меня особая метка. Родимое пятно, похожее на след гусиной лапки, только маленький, размером с пятак.

Когда я был малышом и мама мыла меня в корыте, она всегда приговаривала: «Эх ты, чудо мое керосиновое. Сам – Петушок, а лапка гусиная...»

Почему «чудо керосиновое», я и сейчас не знаю. Может, для рифмы?..

Еще с десяток шагов, и я добрался до закругленной стены с нишей – как раз когда вода (по-прежнему жутко холодная)хватила колени. Дергать перестало.

Край ниши был на уровне моего подбородка. Я с трудом, но все-таки разглядел доску с маленькими полукружьями жестяного узора. Большого мне и не надо было. Главное, что она здесь.

Я поставил кораблик в нишу, на край. Дно у кораблика было плоское, встал он хорошо. – Вот, это я вам... Принес...

Тихо было, только вода где-то: кап, кап...

Я достал из кармана свечку. Не настоящую, а из круглой батарейки и лампочки. Мог бы и настоящую принести, но такая будет гореть дольше. Может быть, целые сутки...

Крутнул я лампочку в проволочном зажиме, она вспыхнула ярко-ярко, даже зажмурился. Поставил свечку рядом с корабликом. Лампочка высветила всю нишу. Желтый узор металлического кружева на доске заискрился – то ли латунь, то ли позолота. Верхний край этой накладки был зубчатым, лучистым, а нижний образовывал контур двух голов: одна покрупнее, другая маленькая, детская. Больше ничего на деревянной плоскости не было. Но я-то ясно представлял те два печальных лица, которые видел когда-то на маленькой иконе. Она хранилась в сундуке среди заветных маминых вещей. Мама показывала ее мне всего два раза. Говорила тихонько: «Бабушкина». То есть ее бабушки, маминой. Которая умерла еще до революции.

Доставая икону, мама оглядывалась на дверь тети Глашиной комнаты. Тетушка была партийная и принципиальная: увидит – крик поднимет. Потому что ни в какого Бога она не верила. Я, конечно, тоже не верил, но догадывался, что мама верит в глубине души. И поэтому смотрел на икону серьезно и с почтением. Даже с родственным каким-то чувством. Мы на нее вдвоем с мамой смотрели, прижимаясь друг к другу плечами. А на иконе маленький сын тоже прижимался к материнскому плечу. И оба они глядели на меня и маму так, словно все знали про нас. И жалели...

Одежда на иконе была не нарисована, а сделана из металла, как бы отчеканена. И лучистое окружение голов – тоже металлическое, золотистое. Мама говорила, что все это называется «оклад»...

Такой вот оклад (вернее, его верхняя часть) и блестел сейчас на доске. А лица я видел мысленно.

И я сказал опять:

– Это вам... Я сам сделал.

Мне казалось, что Тем, к кому я обращался, должен понравиться кораблик. Ведь я так старался...

– Ну вот... А теперь я пойду. Ладно?

Что еще сказать, я не знал. Молиться и просить не умел. Да и не имел права, наверно... А может быть, все-таки попросить? Как юнга Джим, перед уходом в плавание... Но не петь же здесь! Наверху кто-нибудь может услышать через отдушину мой голос. Да и в горле скребло неизвестно отчего. Скорее всего, от холода. Но мелодия уже толкнулась в голову, и слова побежали сами собой. Конечно, я не запел, а зашептал, еле двигая губами. Но внутри у меня все равно звучала песня. И я не шелохнулся, пока не шепнул последние слова:

– ...Помоги, помоги мне в пути...

И тогда – словно ответ такой – в подвале посветлело. Это сквозь наклонную отдушину упал сюда солнечный луч. Прямо на меня. Я вскинул глаза и увидел в крошечном оконце край ослепительного диска.

Солнечное тепло толчком прогнало из меня озноб. Я заулыбался. Но... так уж я был устроен: вместе с хорошим приходит осторожная мысль о печальном. Я сразу вспомнил, что вижу солнце не то, которое на самом деле.

Я был книгочей по природе. Прочитывал все книжки, какие попадали под руку, в том числе и всякие научно-популярные... У старшеклассницы Насти, что жила в нашем доме, я увидел как-то «Занимательную астрономию». Выпросил. Осилит. Во многом не разобрался, потому что был тогда всего-навсего второклассником, но кое-что понял. Уяснил, например, что у света есть, оказывается, своя скорость. Луч пробегает за секунду почти триста тысяч километров. Конечно, на Земле это не имеет значения, а вот сияние Луны долетает до нас уже

за вполне заметный, хотя и крошечный отрезок времени – за секунду с хвостиком. Ну, это, по правде говоря, пустяк. А вот Солнце... Его мы, оказывается, видим не тем, какое оно в этот миг, а таким, каким было восемь минут назад!

«И что же это получается?! – ахнул я про себя. – Значит, если оно вдруг погаснет, мы еще целых восемь минут не будем знать про это?!»

То, что Солнце может когда-нибудь погаснуть, я прекрасно понимал. Но сам по себе этот факт меня почему-то мало тревожил. А вот то, что я не узнаю про это вовремя, меня перепугало и опечалило. Целый день я ходил потерянный и будто виноватый, а вечером не выдержал, поделился с мамой. Мама посадила меня рядом на кровать, оглянулась опять на тети Глашину дверь и погладила мою стриженую макушку. И не стала утешать и успокаивать, а сказала:

– Знаешь, Петушок, это похоже на письмо с фронта. Бывает, что придет письмо, родные радуются весточке: живой, мол, а человека уже нет. Письма-то шли неделями, а то и месяцами...

И мы стали думать об отце. Вернее, мама об отце, а я о его письмах, потому что самого отца не помнил: его взяли в армию еще до войны, когда мне и года не было. Говорили, что ненадолго, на сборы какие-то, да так он и не вернулся.

Отцовские письма хранила мама там же, где икону, – в окованном жестью небольшом прабабушкином сундуке. Иногда показывала мне. Одни – в конвертах, другие – свернутые треугольниками, по-фронтовому. Последнее письмо пришло в апреле сорок пятого, из Германии. Мама говорила, что штабная машина с отцом подорвалась на mine.

Лишь недавно я узнал, что было еще письмо. Уже после войны, в сорок шестом. Узнал, когда искал в сундуке икону, чтобы примерить к ней найденный жестяной нимб от оклада.

2

Эти находки столько перетряхнули в моей жизни!

...После праздника Победы Клавдия Георгиевна, которая была у нас в школе сразу и вожатой, и учительницей в начальных классах, сказала:

– Будет субботник по сбору цветного металлолома.

И объяснила, что заводам страны сейчас необходимы цветные металлы, чтобы ударно завершить первую послевоенную пятилетку. Все сразу загалдели:

– А примус дырявый можно принести?

– А ступку медную?

– А самовар?

– А у нас подсвечник есть поломанный! Годится?

Клавдия Георгиевна взялась за виски:

– Годится, все годится! Не орите только так, и без того голова гудит...

Конечно, ей хватало гвалта у своих третьеклассников, а тут еще пионерская работа...

Ким Блескунов, наш председатель совета отряда, по-командирски прищурился:

– Когда Петру Первому понадобилась для пушек медь, он велел со всех церквей колокола сносить. Вот бы нам... В них весу по сто пудов.

Клавдия сказала, что Блескунов молодец. Только сейчас медь нужна не для пушек, а для мирных машин. Кроме того, колокола советская власть снимала с церковей давным-давно, так что нам придется полазить по городским закоулкам, поискать всякую всячину...

Это лишь так называлось – субботник, а искали металл мы целую неделю. Чтобы победить в соревновании вечных соперников, пятый "Б". Кимка никому не давал спуску. Как прищурится, как зашипит: «Тебе что, на коллектив наплевать, да?» Впрочем, не было таких, кому наплевать, все старались. И даже Турунчик. Он, видимо, давно забыл, как его били осенью, тот же самый коллектив...

Цветной металлолом – это ведь не железо и не чугун, доставался он нам с большим трудом и в малых количествах. И вот мы вчетвером – Юрка Нохрин, Игорь Копытов, Турунчик и я – решили обследовать склон высокого речного берега у Лодочной слободы. Дома там были старинные, стояли над самым откосом, хозяйки прямо вниз, в бурьян, сбрасывали ненужную рухлядь.

Повезло нам! Лагая в ломких прошлогодних сорняках, мы отыскали два расплюснутых самовара, тяжелый обломок бронзовой люстры с завитками, медное коромысло старинных весов и мятый продырявленный таз для варенья... А потом, откинув рваную грелку и гнилой сапог, я и увидел это. Мятый клочок узорчатой жести. Он был темный, бесформенный, но я почти сразу догадался, что это такое.

Я поднял, расправил. Получилась как бы фигурная буква "З". Она щетинилась мятыми зубчиками-лучиками. Я разогнул их. Потер букву о вельветовую курточку. Потом испугался чего-то, стал сворачивать жесь в трубку. Старался, чтобы никто не увидел. Но Юрка Нохрин сунул из-за моего плеча свой лисий нос:

– Это у тебя чё?

– Это у меня ничё... – Я затолкал скрученную жесь в карман (она цеплялась, царапалась).

– Ну покажи-ы... – заныл Нохря. – Я же все равно видел. Это церковная штука...

– Тебе-то что? – я отступил, чуть не покатылся с откоса.

Пробрались через бурьян к нам Игорь Копытов и Турунчик. Нохря заявил:

– Патефон штучку нашел, медную, в карман затырил!

– Тебе-то что! – опять крикнул я.

– А вот то! Она казенная! Мы для школы металл ищем, а не для себя!

– Металл! В ней весу-то три грамма!

– А хоть сколько! Ты, Патефон, не имеешь права! Мы на субботнике, а ты в карман... – Это Копытов Нохрю поддержал. Они всегда вместе... Какое сознательное Копыто! Забыл уже, как в разделке из чужого кармана стянул трешку и как ревел потом на классном собрании...

Я красиво, с особым изгибом руки, показал Нохре и Копыту дулю. Потому что теперь стоял на откосе прочнее, чем они, в случае чего... А Турунчик мигал белыми ресничками и не знал, чью сторону принять.

– Поимеешь, Патефон, – сказал Нохря.

Я поднял из бурьяна раздавленный самовар, недавнюю свою добычу, отступил в репейники и стал продираться наверх.

– В школе поговорим! – пообещал вслед Копытов. – Ответишь перед отрядом!

Но я был не дурак и, прежде чем отнести самовар на школьный двор, забежал домой, спрятал свою жестяную находку в сарае. На тот случай, если вздумают обыскивать. Кимка Блескунов – он такой, все может...

К школе я вернулся позже всех. Кинул самовар в грудь медной рухляди. И тут ко мне подступили. Впереди всех – Кимка.

– Ты, Викулов, говорят, какой-то металл прихватил для личного пользования... – Голову наклонил и прищурился. Красивый такой, причесанный, с белым воротничком. Красный галстук – из шелка.

– Три грамма... – бормотнул я. – Это... для коллекции. Потому что старина...

– Хоть какая старина, не имеешь права без общего разрешения! Давай сюда!

Раскомандовался! Наверно, у папочки научился, который замначальника городской милиции.

– Чего ты тут мне приказываешь! Генерал какой... – Это я уже брякнул напропалую. Понимал, что все равно не избежать скандала.

– Не хочешь по-хорошему?... Отряд, слушай мою команду!..

Ох, не любил я драться. Боялся, по правде говоря. К тому же стояло вокруг меня человек семь. Конечно, не отряд, но уж не меньше чем звено. И казалось бы, пусть хватают, обыскивают, все равно без толку. Но бывали моменты, когда злость у меня перехлестывала через страх.

Недавно на школьном дворе срезали с тополей сучья. Они и сейчас валялись под деревьями. Я отпрыгнул, ухватил корявый, с себя ростом сук, прижался к тополиному стволу. Замахнулся:

– Только подойдите!

– Что такое тут у вас?! – это появилась Клавдия.

Все втянули головы, заморгали, засопели, только Блескунов не растерялся. Встал, как на дружинной линейке, подбородок задрал и будто рапорт отдал:

– Товарищ старшая вожатая! Мы для общего дела собирали металл, а Викулов одну свою находку присвоил! Для личного интереса! И, наверно, успел унести домой!

– Для какого интереса? Что за находка?

– Кусок от иконы. Он, наверно, в боженьку верит, молиться будет...

– Еще новости! Викулов, это правда?... Брось палку!

Я опустил, но не бросил. Клавдия велела:

– Завтра принеси, что нашел. А то... слышишь, какие глупости про тебя рассказывают!

Ага, «принеси»! Тороплюсь! Как у нас в Старотополе говорят: «Сейчас побегу, только большие калоши надену...»

Дома я украдкой взял зубной порошок, разогнул, расправил темное жестяное кружево и щеткой стал отчищать его. И скоро оно золотисто заблестело. Кое-где остались, правда, черные

пятна окиси, но все равно стало красиво. И я опять подумал: «Как на маминой иконе». И решил, что надо посмотреть, сравнить.

Мне повезло в тот вечер: тетя Глаша и дядя Костя ушли к знакомым. Тяжелый ключ от сундука был спрятан за стопкой тарелок в буфете (считалось, что я этого не знаю). Я отпер скрипучий замок, отвалил крышку. Постоял, вдыхая знакомый запах. Из сундука всегда почему-то пахло ванилью, как от праздничного теста. И когда мы с мамой сундук открывали, и сейчас тоже...

Икону я не нашел. Все остальное было на месте: и прабабушкино белое платье, и синяя старинная чашка с отбитой ручкой, и малиновая плюшевая скатерть, и расколотый письменный прибор из серого мрамора, и всякие другие вещи из давних довоенных лет. И пачка отцовских писем... А икона как растаяла. Наверно, тетя Глаша перепрятала куда подальше, а то и совсем выбросила. Небось решила: увидит случайно кто-нибудь посторонний – будут неприятности. Работала тетушка в городском архиве и почему-то всегда боялась неприятностей «по партийной линии».

Я потерянно сидел на краю сундука. Затем стал рассеянно перебирать отцовские письма. И заметил письмо, которого раньше не видел. Или не обращал внимания? Нет, я бы запомнил голубую красивую марку. На ней – салют над Кремлем и слова «9 мая».

Да, но... напечатать эту марку раньше Дня Победы не могли, верно ведь? А почерк-то отцовский! Я пригляделся к штемпелю: «18.04.46». Тихо-тихо стало вокруг, даже часы-ходики будто замерли... Обратный адрес: «Моск. обл., г. Дмитров, Садовая, 3». Я вытащил листок. Письмо было короткое. Все уже не помню, а главные слова такие: «Конечно, я виноват перед тобой и перед Петей. Но ты все-таки напиши про него хотя бы две строчки. Сын ведь. Имею же я право знать про него...»

Вот, значит, как. Ну что же...

Особого потрясения тогда я не испытал. Первое волнение быстро прошло, я сунул письмо в карман и начал рассуждать здраво.

Значит, отец не погиб, а просто не захотел вернуться домой. Скорее всего, «встретил другую». Мы, мальчишки послевоенных лет, были наслышаны про такие истории. Мама, видимо, погоревала, а потом решила, что пускай считается убитым. С глаз долой – из сердца вон. И для сына, то есть для меня, так спокойнее. Лучше погибший герой, чем бросивший семью беглец... Маму я не осуждал, она, наверно, правильно поступила. Отца я не помнил, никакой тоски по нему у меня никогда не было.

Сейчас я обрадовался, конечно, что отец живой, но радость эта была, признаться, хмурая и расчетливая. Наверно, как у окруженного врагами бойца, который вдруг нашел в кармане еще одну обойму.

А окруженным себя я тогда очень даже чувствовал. С одной стороны – вечные тети Глашины придирки, с другой – нынешняя история на субботнике. Хорошо, если до завтра забудут. Но едва ли. Блескунов – он принципиальный, вроде тети Глаши...

И, конечно же, на завтра Блескунов подступил ко мне еще до уроков:

– Ну? Принес?

– Иди ты... – неохотно сказал я.

Он сразу вытянулся, губки поджал. Весь такой показательный активист в вельветовом костюмчике.

– Нет, Викулов, это ты иди. Домой, сразу после уроков. И неси то, что украл. А то будет хуже...

– Я? Украл?!

Тут затренькал звонок.

На переменах меня не трогали, но после пятого урока Кимка подошел опять. С двумя звеньевыми: с Генкой Бродиным и толстым Бусей. И с Нохрей.

– Ну? Мы будем ждать полчаса. Иди.

– Ага. В больших калошах...

– Хуже будет, – опять пообещал Ким.

– Ну беги, жалуйся! И так уже наябедничал Клавдии! Осенью всех подговорил бить Турунчика за то, что ябеда, а сам...

Кимка сказал наставительно:

– Тогда было наше дело, среди пацанов. А сейчас общественное. Ты против пионерского отряда идешь, значит, ты против советской власти.

Тут я ему и вделал! По носу! Даже для себя неожиданно. Рука будто сама размахнулась и – хряп! И закапало у него на вельвет шоколадного цвета... Кимка пискнул, быстро сел за парту, уткнулся лицом в ладони... И, конечно, шум, крик. Неизвестно откуда – Клавдия Георгиевна и наша Анна Игоревна... В общем гвалте и в хлюпающих словах Кимки выяснилось, что Патефон, то есть Петька Викулов, против целого коллектива. Украл часть медной добычи, потому что тайно верит в Бога, хотя и «Торжественное обещание» давал. Да еще руки распускает...

Клавдия сказала:

– Это уже переходит всякие границы!.. Ты что, Викулов, правда верующий?

– А вам-то что...

Я вполне мог ответить «нет». Потому что был вовсе не верующий. Но она хотела, чтобы я отказался от того, что любила мама. Пусть этот оклад не с маминой иконы, но такой же. Тем более теперь, когда той иконы нет... Сейчас у меня будто ниточка между мной и мамой, а если уступлю, отдам... Но разве им объяснишь! Стоят, сопят, ждут. Как тогда, вокруг Турунчика... Только сам он, Турунчик, поодаль и глаза опустил...

– Еще и кулакам волю дает! – возмушалась Анна Игоревна. – Да ты и одного пальчика Блескунова не стоишь! Его в классе уважают, а ты...

– Завтра сбор! – заявила Клавдия. – И ты, Викулов, готовься просить прощения у всех ребят. И не забудь принести то, что... взял. Если не хочешь расстаться с красным галстуком.

Я, разумеется, не хотел расстаться с галстуком. Даже подумать о таком было жутко. И я шел домой почти уверенный, что завтра отнесу в школу кусочек золотистой жести – пропади все пропадом. Но дома взял его в ладони и... в обрамлении лучистого кружева словно увидел два печальных лица с понимающими и жалеющими глазами. «Что поделаешь, раз кончилась твоя храбрость, Петушок...»

Тогда, значит, уже нельзя будет вспоминать по-хорошему, как мы с мамой сидели рядом и я щекой лежал на ее плече...

В сарае нашел я широкую толстую доску, с трудом отпилил ножовкой кусок сантиметров тридцать длиной. Наждачной бумагой почистил одну сторону. Наложил на дерево жестяной нимб, расправил, прибил по краешкам сапожными гвоздиками... Не икона, но все же намек на нее.

– Никому не отдам. Честное орлёнское...

Это у меня для самого себя была такая клятва. Я придумал ее, когда влюбился в песню про Орленка.

И чтобы отрезать путь для отступления, отнес я доску в тот самый церковный подвал. Фонарика у меня не было, лазал со спичками. Поставил доску в нишу, посветил спичкой последний раз.

– Вот, здесь вам будет хорошо. Потому что ведь церковь... И никто не найдет. А я еще приду...

На следующий день у меня отобрали галстук. За то, что ничего не объяснял, не отвечал, верил ли в Бога. Молчал, как каменный. И украденную вещь не принес, и прощения не стал просить – ни у Блескунова, ни у коллектива. Что с таким делать?

– Сам виноват, – сказала Клавдия Георгиевна. – Кто «за»?.. А ты, Турунов, разве не «за»? Умнее всех, да?

Турунчик тоже поднял руку, только смотрел при этом в парту. Впрочем, не он один смотрел в парту. Это я сквозь намокшие ресницы видел от классной доски, куда был вызван для обсуждения и покаяния.

Клавдия развязала на мне галстук. Я не сопротивлялся. Не от страха, а просто ослабел. Но когда она хотел спрятать мой старенький, но все равно блестящий сатиновый галстук в свою черную с бисером сумочку, я сказал сквозь царапанье в горле:

– Не имеете права, это мой. Мне мама покупала...

– Ну и забирай, пожалуйста! А носить не смей!

Домой вернулся я с ощущением безнадежной беды. Как приговоренный. То, что клятву я не нарушил, главное не отдал, слегка грело душу. Но беда все равно давила тяжело. Кто я теперь? Все равно что враг народа, белогвардеец какой-то...

Я скорчился на чурбаке за сараем и сидел не знаю сколько. Там и нашел меня Валька Сапегин. Забежал, чтобы вместе идти на репетицию хора. Я похоронно сказал, что не пойду.

Он спросил тихонько:

– Что случилось-то?

И тут я разревался. И рассказал ему про все. Не такой уж он был близкий друг, но все же единственный, кому я мог излить горе. Про находку я, правда, не сказал, а объяснил, что выгнали за драку.

Какой теперь хор! Как я выйду на сцену! Все в галстуках, а я... И как петь про Орленка, если не имеешь права на кусочек знамени, под которым он, Орленок, воевал?.. И наверно, Эльза и сама не захочет меня близко подпускать, когда узнает про все.

Валька потоптался рядом, подержал меня за плечо и ушел тихонько. Ласковый он был и понятливый...

3

На следующее утро, собираясь в школу, галстук я надел. Чтобы тетушка ни о чем не догадалась. А за квартал от школы снял, стыдливо оглядываясь. В классе от меня отворачивались, но не враждебно, а скорее виновато.

Вечером выяснилось, что хитрил я с галстуком напрасно, тетя Глаша все узнала. Анна Игоревна позвонила ей на работу.

Ох и устроила мне тетушка! Дядя Костя даже сказал:

– Ну чего ты орешь на пацана? Чего он такого сделал-то?

Он хороший был дядька. Иногда катал на мотоцикле, а в воспитание мое не вмешивался. Тетушка наорала и на него, он плюнул и пошел во двор курить с соседом дядей Геней, отцом десятиклассницы Насти. А тетушка принялась за меня снова. Она была мамина сестра, но ничуть на маму не похожая. Старая, всегда всем недовольная. А главное – недовольная мной. Вот и сейчас:

– Лучше бы уж воровал! А то ведь надо же, в богомольцы наострился! Мне что на работе-то скажут, когда узнают!

Я не выдержал:

– Там что, все такие дураки?

Она дала мне затрещину и заявила, что терпение у нее кончилось. Как только начнутся каникулы, она станет оформлять мои документы для детдома.

Я следом за дядей Костей ушел во двор.

Как ни странно, а после такой встряски я чувствовал себя легче, словно сбросил часть груза. И даже последние слова тетушки на этот раз не испугали. В детдом? А уж вот фиг вам, Глафира Герасимовна! В кармане у меня лежало письмо с адресом в городе Дмитрове...

Я опять устроился на чурбане и начал выстругивать из сосновой коры суденышко. И успокоился. Я всегда успокаивался, если выстругивал кораблики... И то, что случилось недавно, уже не казалось теперь таким ужасным. Всякая беда со временем слабеет. Когда случилось несчастье с мамой, я думал, что конец света, но прошла неделя, потом месяц прошел, потом год, и вот живу...

Здесь, за сараем, и нашла меня Длинная Эльза.

Эльза Оттовна Траубе появилась в Старотополе в сорок первом году. Не по своей воле... До той поры она жила в Москве.

Когда началась война, всех людей, у кого немецкая национальность (пускай хоть они Германии в глаза не видели, и даже их дедушки-бабушки родились в России) стали выселять из столицы. Взрослые говорили, что Эльзе еще повезло. Многих отправляли в подневольную трудармию, а кое-кого и «за проволоку».

Не знаю, как жила и что делала Эльза Оттовна в годы войны. А в сорок шестом она стала работать в городском Доме пионеров. Музыкантшей. Муж ее тоже был музыкант и даже композитор, только не знаменитый. Говорят, сочинял музыку для детских спектаклей. Но он умер еще до войны. Были у них дети или нет, я не знаю, в Старотополе Эльза Оттовна жила одна-одинешенька. И все свое время отдавала работе.

Главным ее делом был мальчишечий хор. Девчонок она почему-то не жаловала, говорила, что не находит с ними общего языка. А с пацанами она ладила, хотя и строгая бывала на репетициях. Ребята за глаза называли ее Длинная Эльза и Фрау Труба, но относились к ней хорошо.

Иногда Эльза Оттовна собирала нас в своей комнатке с железной солдатской койкой и обшарпанным пианино. Не всех сразу, конечно, а человек по пять-семь. И надо сказать, меня звала чаще других. Поила нас чаем и заодно учила вести себя за столом. Рассказывала, как до

революции была гимназисткой, а потом училась в консерватории, как ходила на выступления настоящего, живого Маяковского. И как вместе с мужем готовила музыку для детского театра.

Однажды Эльза Оттовна рассказала, что муж ее сочинил оперетту «Остров сокровищ». Там все было не так, как в книжке или кино. Билли Бонс в оперетте оказывался вовсе не злодеем, а хорошим дядькой, он сам подарил мальчишке Джиму карту с кладом на острове. Среди пиратов невесть откуда появилась жизнерадостная старая негритянка, которая с Джимом подружилась, а коварному Сильверу надавала пинков. А сокровищ никто не нашел, но все равно все кончалось хорошо, потому что главное в жизни вовсе не богатство, а дружба... Жаль только, что дописать оперетту муж Эльзы Оттовны не успел, умер.

– А вы сами допишите, – посоветовал Валька Сапегин.

Эльза Оттовна грустно улыбнулась:

– Приходит порой такая мысль. Если бы еще талант...

Мы наперебой стали убеждать Эльзу, что таланта у нее на десять оперетт. Она тряхнула короткой седой стрижкой, села к пианино:

– Вот такая там была песенка:

Да здравствует остров зеленый,
Лежащий за черной бурей,
Вдали за семью морями,
За искрами южных созвездий!
Да здравствуют смех и дорога,
За здравствуют море и дружба!
Да здравствует все, что не купишь
На черное золото Флинта!..

Голос у нее был слабенький, дребезжащий, но все равно хорошо получилось. И мы захлопали. Я, наверно, хлопал дольше других, потому что Эльза Оттовна вдруг пристально глянула на меня (я, конечно, застеснялся, глаза в пол). И вдруг сказала:

– Оперетта веселая, но есть в ней одна песня... такая... очень, по-моему, тебе понравится...

Вот новости. Почему именно мне?

Эльза Оттовна заиграла было, остановилась и объяснила:

– Это юнга Джим поет перед тем, как уплыть к Острову. Прощание... – И заиграла опять, запела:

С нашим домом сегодня прощаюсь я очень надолго.
Я уйду на заре, и меня не дозваться с утра...
Слышишь, бакен-ревун на мели воет голосом волка?
Это ветер пошел... Помоги мне осилить мой страх.

Я боюсь, ты меня
Не простишь за уход, за обман.
На коленях молю:
Не брани, пожалей и прости.

Разве я виноват
В том, что создал Господь океан
И на острове дальнем
Клинками скрестились пути...

Я молю, помоги мне в пути моем бурном и длинном,
Не оставь меня в мыслях, молитвах и в сердце своем,
Чтобы мог я вернуться когда-нибудь в край тополиный,
В наш родной городок, в наш старинный
рассохшийся дом...

Жидкий старческий голос Эльзы окреп. Или мне это просто показалось. Но когда она закончила песню, чудилось, что спел ее мальчишка.

Теперь никто не хлопал. Слишком серьезно все это было. И Эльза поняла нас. И спросила тихонько:

– Я вот думаю... может быть, подготовить это для нашего хора?

Конечно, все наперебой заговорили, что надо готовить. И на меня смотреть начали... ну с пониманием, что ли. Ясно ведь было, что главным-то образом эта песня для меня, для солиста.

Стали репетировать. По-моему, здорово получалось. Я полюбил «Песню Джима» даже больше, чем «Орленка». Порой слезы внутри закипали, когда на самых высоких и ясных нотах выдавал: «Я молю, помоги мне в пути...» Но петь эти слезы не мешали, только я чувствовал, какой от них в голосе звон...

Правда, перед первым выступлением чуть все не сорвалось. Директору Дома пионеров или кому-то в гороно пришло в голову, что это молитва. Мол, мальчик поет перед иконой, просит защиты Богоматери, а это религиозная пропаганда. Но Эльза Оттовна умела быть упрямой и бесстрашной. Доказала начальникам, что юнга Джим поет у кровати своей мамы перед тем, как тайком уйти на шхуну. Недаром ведь: «Я боюсь, ты меня не простишь за уход, за обман...»

В конце концов песню разрешили. Только потребовали слово «молю» заменить на «прошу», а вместо «создал Господь океан» петь «есть на Земле океан». «Прошу» вместо «молю» петь было плохо и слова переучивать некогда, все равно случайно я спою по-старому. Так что оставили все как было, тем более что прежнего директора прогнали за пьянство, а новому было не до нас.

Мы много раз исполняли «Песню Джима» на концертах. И всегда нам хлопали так, что просто гул в ушах. Иногда приходилось петь даже снова, на бис.

Но это было давно, в прошлой жизни. В ту пору, когда я был нормальный человек, с красным галстуком.

...Эльза Оттовна остановилась рядом. Я вскинул глаза, сказал тихонько «здрасьте». И снова стал обстругивать кусок коры. Эльза Оттовна в своей длинной черной юбке со складками безбоязненно села на пыльные деревянные козлы – они стояли тут же, за сараем.

– Валя мне все рассказал...

Я дернул плечом. Не было у меня причины сердиться на Эльзу, но я защищался от ее сочувствия. Впрочем, скользнул в голове и упрек: «Чем сюда приходить, пошла бы в школу да заступилась...»

Она словно услышала мою мысль:

– Я была в школе. Пыталась объяснить, как все это... неумно. Но, к сожалению, не получилось... Знаешь, я никогда не умела разговаривать с учительницами. Еще со времен гимназии...

Я опять шевельнул плечом: что, мол, тут поделаешь...

Эльза сказала осторожно:

– Но я, Петя, не понимаю главного. При чем тут хор? Ведь у нас-то никто тебя не обижал...

Глаза у меня уже набухли, но я опять на миг глянул Эльзе в лицо:

– Как же не понимаете? Все в галстуках, а я...

– Мне кажется, что это все же не главное. Главное, как ты поешь.

В самом деле до нее не доходит, что ли? Вот стоит на сцене в три ряда хор, на каждом красный галстук, а я впереди с голым воротом. И все видят. И все знают. И я как... приговоренный какой-то. Как Турунчик тогда... И хотя бы причина была! А то ведь ни за что!

– Ну ладно, – вздохнула Эльза. – А... что ты мастеришь тут?

Я сказал опять полусшепотом:

– Кораблик.

– Понятно. А какой именно кораблик? – ей, видимо, важно было продолжать разговор. Хоть о чем, лишь бы не молчать. – Бывают ведь всякие... фрегаты, шхуны...

Я ответил сухо, но без упрямства:

– Это обет.

Она поняла сразу. Не спутала со словом «обед». Но удивилась:

– Разве такие бывают? Не слыхала.

Я не поленился, сходил в сарай. Там на полке со всяким хламом лежало несколько подшивок старинного журнала «Нива». Я принес тяжеленный том. Открыл посередине. Там была картинка.

В бедной, с каменными стенами и окном-щелью церкви стоял перед иконой мужчина. Длинноволосый, в жилете со шнуровкой, в таких же, как у меня, штанах с пуговицами под коленками, в деревянных башмаках. За штаны рыбака цеплялась крошечная девочка в чепце с оборками и в платье до пола. Видимо, дело происходило в давние времена в какой-то шведской или французской деревне. Мужчина был, скорее всего, рыбак. Он держал очень красивую модель корабля. Протягивал ее к иконе. Кто на иконе, было не видеть, только край и лампада. А кораблик был различим до каждой мелочи: все узоры на корме, швы на парусах, крошечные блоки, лесенки-снасти...

Эльза Оттовна чуть улыбнулась:

– И ты считаешь, что «обет» – это род парусника? Вроде брига или шлюпа?

Именно так я считал. Рыбак сделал кораблик на радость дочке и для украшения своего бедного дома. И принес в церковь, чтобы освятить его. Я знал, что в прежние времена был обычай освящать всякую готовую работу: брызгать святой водой и говорить молитвы...

Эльза Оттовна очень мягко сказала:

– Здесь, Петя, дело обстоит не совсем так. Картина называется «Обет», потому что здесь обещание. Клятва Богу... Наверно, этот моряк попал в страшный шторм и пообещал Спасителю и Богородице, что, если вернется невредимым, сделает красивый кораблик и поставит его перед образом в церкви. Так было принято...

Я почти не смутился. После всего, что случилось, какое значение имела моя ошибка... Но я задумался на минуту. Что-то досадное почудилось мне в таком обычае. Словно торговля какая-то! Ты меня спаси, а я тебе за это кораблик... Конечно, когда для жизни жуткая опасность, что угодно пообещаешь. А лучше бы подарил заранее...

Я спросил, подавив неловкость:

– А бывает обет, чтобы наоборот? Ну, чтобы не в уплату за какую-то милость, а просто так...

Точнее выразиться я не умел. А думал вот что. Если человек верит в Бога (я-то не верил, но сейчас речь не обо мне, а вообще), то он должен делать ему что-то хорошее не ради выгоды, а просто так, из любви. Чтобы радовать его... Хотя, с другой стороны, зачем Богу, его Сыну и Божьей Матери игрушечный кораблик? Ведь им стоит лишь пожелать, и появятся миллионы всяких кораблей, хоть из чистого золота... Да, но ведь маме, если по правде говорить, тоже не нужны были картонные домики, которые я склеивал и разукрашивал к ее дню рождения

и к Восьмому марта. А она все равно радовалась. Потому что подарок, потому что я для нее старался. Потому что основное в подарке... любовь. Да...

И Эльза Оттовна, кажется, опять поняла меня:

– Конечно, можно и так, Петя... Главное, когда от души... – Потом снова спросила со вздохом: – Ну а как же с хором-то, а?

Я вновь ожесточился:

– Не знаю... Никак. Без галстука я на сцену не выйду.

– Я тебя понимаю... Но и ты пойми... И тебе плохо без хора, и нам без тебя плохо...

– Я тоже понимаю... – И опять я отвел намокшие глаза.

– Видишь, оба понимаем друг друга. А договориться не можем... Будто идем параллельными тропинками, а сойтись не получается.

– Потому что параллельные не пересекаются...

– Иногда, Петя, пересекаются.

– Ну, это только в бесконечности. Не в нашем мире.

– О! Ты знаешь и это? Слышал про геометрию Лобачевского?

Я слышал. От соседки Насти. Она была худая очкастая отличница и хотела сделаться математичкой. Но тот наш разговор начался не с математики. Несмотря на всю серьезность, Настя, как мальчишка, увлекалась марками. Мы иногда вместе разглядывали свои коллекции, менялись и даже спорили. И вот я увидел у нее серую марку с незнакомым портретом и подписью: «Н.И. Лобачевский».

– Это кто? Моряк?

– Это ученый.

– А почему в мундире?

– В старые времена в университетах профессора носили мундиры... Он знаменитый математик. У него труд есть «Теория параллельных линий», я недавно читала.

Я хихикнул:

– Чего там про них сочинять-то, про параллельные линии?

– А ты что про них знаешь?

Геометрию я, конечно, еще не учил, но про параллельные знал из книжек.

– Это такие, которые тянутся рядом друг с дружкой. На одинаковом расстоянии, как рельсы. И нигде не пересекаются. – И я вспомнил, как мы в прошлом году с мамой ходили в ближний лес за грибами.

– А вот и пересекаются! – торжественно заявила Настя.

– Врешь! Тогда они, значит, не параллельные!

– Ты рассуждаешь с точки зрения Евклида. А у Лобачевского своя наука. Параллельные могут пересекаться, только очень далеко, в самой бесконечной бесконечности, где искривляется пространство.

– Как это?

Она стала объяснять и, по-моему, запуталась сама. И я, конечно, ничего не понял. Но поверил. Показалось, будто уловил что-то. Потому что вспомнил: рельсы ведь тоже соединились в одну точку – далеко-далеко, у горизонта, когда их догонял взгляд. Взгляд – это когда глаз ловит прилетевшие издали лучи света. От той точки, где соединились рельсы. А если приближаешься, они раздвигаются. И ты видишь это – потому что свет опять прилетает к тебе. Со своей сумасшедшей скоростью... Говорят, эту скорость никак-никак никому не обогнать, закон такой есть научный. Ну а если представить, что все же обогнал! Примчатся к точке, где соединились рельсы, быстрее света! Тогда они, значит, не успеют разойтись! И получится, что параллельные сошлись!..

Конечно, я не знал тогда, что этот ребячий бред, этот крошечный проблеск догадки – первый атом в громадной пирамиде Теории межпространственного вакуума. Той самой, на базе

которой создана «Игла», прошивающая теперь многомерные миры... Тогда я сказал Насте: «Ладно, я пойду» – и ушел поскорее, потому что главным в моих мыслях было в тот момент все же воспоминание о маме: как мы идем вдвоем по рельсовому пути. Впрочем, и сейчас, в разговоре с Эльзой, тоже...

Я сказал сумрачно:

– Пускай хоть какая геометрия... а без галстука петь не буду. Я... себе слово дал. – Это я лишь сию секунду выдумал, но, чтобы отрезать все пути, сказал тут же мысленно: «Честное орлёнское».

– Вот, выходит, как. Значит, обет дал такой?

Я уклончиво промолчал: при чем тут это? Но... может, и правда обет. Не только себе самому обещание, но и... Вспомнился подвал, доска с жестяными нимбами. Вот так все сплелось в жизни.

– Ну а ко мне-то зайдешь в гости? – спросила Эльза Оттовна.

– Ладно, – прошептал я.

Она ушла. А я нашел среди дров другой кусок сосновой коры, большой, плотный, и стал вырезать новый кораблик.

Я мастерил модель все следующие дни. Даже тогда, когда зубрил билеты для экзаменов по русскому языку и устной арифметике. В школе никто меня больше не трогал. Экзамены я сдал средне: письменные на четверки, устные на тройки. Но это не из-за придинок, просто я всегда так учился. Тетушка из-за троек разворчалась и опять упомянула про детдом. Скорее всего, просто пугала. Но мне уже было все равно. Я твердо знал, что будет скоро.

Через несколько дней доделаю кораблик и унесу туда. Это будет мой подарок, мое прощание. И просьба помочь мне в пути... Ну и что же, что не верю? Мама-то верила. Значит, есть какая-то сила и справедливость... А потом – в дорогу.

До города Дмитрова (я посчитал по карте) – полторы тысячи километров. Если шагать по шпалам пятнадцать километров каждый день, понадобится сто дней. Лето и кусочек сентября. В такую пору ночевать можно где придется и топтать налегке. А иногда можно ехать и на попутных товарниках. Про это немало книжек и кино. Добрые люди на пути всегда угостят куском хлеба, не дадут пропасть мальчишке... А то, что догонит и поймает милиция, – это сказки. Разве отыщешь маленького пацана среди пространств громадной страны?

Как меня встретит отец, я не очень задумывался. Наверно, не прогонит. Сам же написал тогда: «Сын ведь...» Да и вообще, конечная цель представлялась мне такой далекой... ну, как бесконечно удаленная точка, где сходятся параллельные линии. Главным делом казалась мне теперь сама Дорога – с ее неожиданностями, встречами, новыми местами, приключениями. Я понимал, конечно, что порой придется нелегко. И тогда:

Помоги одолеть мне
И жажду, и голод, и боль...

Ничего, одолею...

Теперь странным кажется, что не появилась у меня простая мысль: написать отцу. Нет, я ничего не боялся, просто в голову такое не приходило. Наверно, это странности мальчишечьей психики. Не думал я и о том, что отец много раз мог сменить адрес: ведь письмо-то он прислал в сорок шестом, а сейчас на дворе был пятидесятый...

Спокойно и как-то просветленно готовился я в путь. Заранее уложил в портфель сухари, полотенце, запасную майку и трусы, кружку, ножик, туго свернутую сукодную курточку. И любимую, мамой подаренную книжку «Пять недель на воздушном шаре». В эти дни я старался

быть послушным, с тетей Глашей вовсе не спорил. Не потому, что вдруг полюбил ее, а словно чувствовал: незачем брать с собой груз всяких обид и грехов, даже мелких.

Зашел как-то к Эльзе Отговне, но соседка сказала, что она хворает, сейчас уснула и тревожить ее не надо.

Вальке Сапегину я отдал на память свою коллекцию марок. Объяснил, что наскучило собирать их. А о предстоящей Дороге не сказал, конечно. Валька, он хороший, но, когда начнут искать, не выдержит, расскажет. Хотя бы для того, чтобы опять увидиться со мной.

Потом я отыскал Турунчика и подарил ему свой оловянный пистолет. Очень Турунчик удивился, замахал белесыми ресницами. Никогда ведь мы не были приятелями.

– Спасибо... А почему ты... мне?

– Нипочему. Так, – вздохнул я.

Чувствовал, что виноват перед ним. Даже не только перед ним, а вообще. И этот грех (пожалуй, самый крупный в своей жизни) мне тоже не хотелось уносить с собой.

Как хорошо все-таки, что я тогда не успел ударить его...

В классах – особенно там, где одни мальчишки – часто бывает по два командира. Один – какой-нибудь образцово-показательный активист, назначенный школьным начальством в председатели или старосты. Другой – ребячий император, утверждающий свою власть крепкими кулаками и презрением к школьным порядкам. Чаще всего это амбал-второгодник. Но в нашем классе амбала не было, и Ким Блескунов успешно верховодил всюду. И на пионерских сборах умело командовал, и в тех делах, которые не нравились учителям. При этом всегда оставался уверенным в себе, спокойным и яснолицым, как мальчик с плаката «Отличная учеба – подарок Родине».

Он-то и приговорил Турунчика к публичной казни.

Дело было в конце сентября. Мишка Rogozin и Нохря перед уроком рисования натерли классную доску парафиновой свечкой – фокус известный: мел скользит, следов не оставляет. Конечно, крик, скандал: «Кто это сделал?!» Два дня разбирались, а завуч наконец как-то вывела виновников. Ну, досталось им, как водится, и в школе, и дома... И кто-то пустил слух, что наябедничал завучихе Юрка Турунов. Не знаю, почему так решили. Может, потому, что за день до этой истории Нохря довел Турунчика до слез и у кого-то появилась мысль: он, мол, в отместку заложил Нохрю. А может, просто потому, что был Турунчик робкий и безответный.

Конечно, он беспомощно мигал и бормотал:

– Да вы чего... я никому... Меня даже не спрашивали...

Но от этого уверенность в его вине только крепла. Коллектив – большая сила, и для пушного единения нужно ему общее дело. А если нет дела, то хотя бы – общий враг. Кимка внес в это настроение конкретность:

– Завтра после уроков будем Турунчика бить.

Все шумно поддержали его. Только Илюшка Сажин сказал:

– Все на одного? Так нельзя.

– Нельзя, если честная драка, – разъярил Блескунов. – А тут не драка, а наказание.

Фискалов били сообща во все времена, книжки читать надо...

Кимка назначил для исполнения приговора «бригаду». Десять человек.

– Ты... Ты... И... – он глянул на меня, – ты, Патефон. А то одно только знаешь: хор да хор, совсем оторвался от класса.

Почему я согласился? Мало того, даже обрадовался.

На следующий день мы зорко следили, чтобы Турунчик не сбежал. А после уроков повели его в дальний угол двора, за длинное здание мастерской. Турунчик похныкивал и упирался, но очень вяло: видать, совсем обмяк со страху.

За мастерской торчал высохший тополь, который завхоз дядя Гриша не успел еще спилить на дрова. Кимка распорядился спокойно и обдуманно, только слегка раздурманился. Турунчика заставили обнять корявый толстый ствол. Суетливо связали приговоренному кисти рук снятым с него же чулком. Я держался в сторонке, ощущая незнакомое до той поры замораживание: смесь боязни и стыдливого сладковатого любопытства. Турунчик молчал, только что переступал рожим брезентовым полуботинком и босой, голой до колена ногой.

Блескунов достал из новенького портфеля орудие возмездия. Это была велосипедная камера – сложенная вдвое, слегка надутая и перевязанная в нескольких местах.

– У, мягкая, – сказал Нохря. – Такой не больно.

– Нет, почему же, – возразил Кимка. – Довольно чувствительно, если по открытой спине. На себе попробовал... – И добавил со значением: – К тому же в наказании главное не суровость, а неизбежность. – Наверно, он повторял слова своего милицейского папы. – Ну-ка, задержите на нем...

Турунчик был в хлопчатобумажном полинялом свитере сизого цвета – широком и обвисшем. Свитер легко задрали выше лопаток. А майка никак не выдергивалась из штанов.

– Расстегнуть надо, – решил Нохря. Сунул пальцы между Турунчиком и деревом, зашарил. – Где там у тебя пуговица...

Он возился, и все молчали, только сопение было слышно. Турунчик вдруг сказал сбивчивым полупшепотом:

– Да не там... Сбоку пуговица...

Что это он? От собственной виноватости впал в окончательную покорность? Или просто хотел, чтобы скорее все кончилось?

Майку тоже вздернули почти до шеи и велели держать Валерке Котикову – маленькому и послушному. Турунчик прижался к дереву, чтобы не съехали расстегнутые штаны. Блескунов размахнулся и огрел его камерой – с упругим резиновым звоном. Турунчик дернулся, помолчал секунду и осторожно сказал:

– Ай...

– Конечно, «ай», – согласился Кимка. – И еще будет «ай». А ты как думал? – Он протянул черную колбасу Нохре: – Теперь ты. Надо, чтобы каждый по разу.

Шумно дыша, полез вперед Гаврилов:

– Я следующий... Можно, я еще за Котика, а то он не сумеет? А я хочу...

Меня обволакивала обморочная слабость. Но – вот ведь какая гнусность! – я тоже... хотел. Понимал в глубине души, какое это грязное дело, но щекочущее желание было сильнее – стегнуть с отяжкой по тощенькой белой (не загорал он летом, что ли?) спине с глубоким желобком и черными зернышками-родинками. Злости на Турунчика у меня не было ни малейшей, и, чтобы оправдать себя, я мысленно повторял: «Он же сам виноват... Он же сам виноват...»

Нохря тоже ударил. Турунчик опять дернул спиной, но промолчал. В резину вцепился Гаврилов... И в этот миг я услышал тяжелый топот. Несколько старшеклассников стремительно выскочили из-за мастерской, и впереди – Игорь Яшкин, известный в школе футболист и художник. Я первый оказался у него на пути. Голова моя как бы взорвалась белыми искрами от оглушительной оплеухи. Я покатился в пыль, был поднят за шиворот и упругим пинком отправлен в колючие сорняки у забора. Сквозь них, пригибаясь, я добежал до школьной калитки и потом еще квартал мчался по переулку. Отсиделся только в сквере у городского театра.

Горела щека, гудело награжденное пинком место. Мелко тряслись колени. И все же... все же сквозь страх и стыд, сквозь обиду на Яшкина я чувствовал растущее облегчение.

Я словно очнулся. До чего же хорошо, что я не успел! Вовремя данная благодатная затрепщина встряхнула мне душу и все расставила в ней на нужные места. Уже и обиды на Яшкина не

было. Только отвращение к себе. И ко всему, что мы затеяли там. Какое счастье, что мой портфель на шнурке через плечо – я умчался вместе с ним. Возвращаться сейчас туда, за мастерскую, было бы выше сил...

На перекрестке я умылся у колонки и побрел домой. Все-таки какое же везение, что не успел ударить... С меня словно сваливалась грязная корка...

А Блескунов на следующий день как ни в чем не бывало сказал Турунчику:

– Говори спасибо этому Яшкину. А то задали бы тебе полную порцию...

– Все равно я не ябеда, – тихо сказал Турунчик.

Но ему не поверили. Или сделали вид...

Я отдал Турунчику пистолет и отнес в тайное место среди репейников на склоне оврага собранный для путешествия портфель. Чтобы завтра уже не хлопотать о нем... Переночевал дома последний раз, взял кораблик и пришел вот сюда, где стою теперь по колено в воде и смотрю, как искрятся от электрической свечки золотистые иконные нимбы... Две головы – Мать и Сын...

Я, конечно, не верю, но все-таки... в груди такая теплая ласковость, хотя ноги в воде совсем заledenели. Ничего, уже недолго.

«Помоги мне в пути...»

Потом я попрощался глазами с корабликом по имени «Обет» и выбрался на солнце. Какое лето вокруг, какая теплая земля и трава! И яркий свет! Я зажмурился. Затем открыл глаза... и увидел Эльзу Оттовну. Она стояла на кромке овражного берега, ждала меня.

Что делать, я выбрался наверх. Остановился. Бормотнул «здрасьте» и – глаза в землю.

Она не стала врать, что встретила меня случайно.

– Я тебя искала. Увидела, пошла следом, а ты исчез. Хотела уже вниз лезть, на разведку...

Я молчал.

– Петя... Очень-очень большая у меня просьба.

Я знал, какая просьба.

– Вернись, а?.. Ну если не насовсем, то хотя бы сегодня. У нас такой ответственный концерт. Без тебя так плохо! Ведь «Песня Джима» наш лучший номер... Петя...

Я уже собрался замотать головой. Разлепил губы, чтобы прошептать «нет». И вдруг толкнулось во мне: «А может, это не случайно такое совпадение? Может, это правильно – спеть последний раз? Будет прощание – и со Старотополем, и с ребятами, и со всей прошлой жизнью... Там, внизу, спеть я не мог, а ведь надо, перед Дорогой. По-настоящему. Это будет... ну, вроде как заклинание. Как хорошая примета...»

И все же пробормотал упрямо:

– Я ведь объяснял... Все в галстуках, а я... – «Как проклятый», – хотел сказать, но постеснялся.

– А все будут без галстуков! Да-да! Гороно выделило деньги, и нам сшили в мастерской новые концертные костюмы, как столичному хору. Там красные галстуки не обязательны. Конечно, мы будем выступать и в пионерской форме, если песни... соответствующего репертуара. Но чаще – в новых костюмах.

– А... мне... разве тоже сшили?

Эльза Оттовна слегка смешалась:

– Нет... То есть пока – нет. Но это дело поправимое. А сегодня ты можешь выступать вот такой, как есть.

– В этом-то виде? – хмыкнул я. Качнул ногой с расстегнутой сбившейся штаниной, отряхнул с рубашки сухую глину.

– Ну и что! Ты же будешь в роли юнги Джима! Все решат, что так и надо. Юнги всегда немножко такие... потрепанные. Может, прямо с корабля, после шторма... Вот у тебя и рубашка почти морская...

Рубашка была трикотажная, в поперечную полоску: белую и зеленовато-голубую. Полоски поуже, чем на тельняшке, но все-таки и правда что-то флотское можно усмотреть.

– Пойдем, Петя, – уже решительнее сказала Эльза Оттовна. Взяла за плечо.

Но я вдруг вспомнил:

– Нет, без галстука все равно не могу. Я же тогда слово дал... Вы сами сказали – обет...

– Ну... вот тебе галстук! Его-то никто у тебя не отнимет. Смотри, тоже морской... – Она сняла с шеи косынку. Треугольную, синюю с белыми полосками, как на матросском воротнике. Стала повязывать мне.

Я опять молчал, но не упряился. Потому что... да, я ведь не обещал в тот раз, что не буду петь без красного галстука. Сказал просто «без галстука». Вот и выход. Наверно, не совсем честный, но если не придирается к самому себе... Ведь это же единственный раз, и к тому же прощание...

Платок был шелковистый, мягкий.

– Теперь ты совсем юнга. Ну, идем...

Концерт намечался в Городском саду имени Кагановича, на открытой эстраде. Ребята собрались позади эстрады, на площадке, окруженной кустами желтой акации. Все уже готовые к выходу на сцену.

Раньше мы выступали в белых рубашках с красными галстуками, а брюки были разные, у кого какие нашлись попримичнее.

Теперь же все были в белых коротких штанах на широких лямках, в голубых рубашках с белыми в синий горошек бантами. Ну и ну... Я от души порадовался, что для меня концертного костюма нет.

Но мальчишкам новая одежда, кажется, нравилась. Они были радостные, резвились, гонялись друг за другом. Весело окружили меня:

– Петька! Вот молодец, что пришел!

Особенно обрадовался Валька Сапегин. Он решил, что я вернулся насовсем. Я улыбался в ответ и никому не объяснял, что прощаюсь. Даже Вальке. Нельзя было обмолвиться о Дороге, иначе все сорвется.

Не знаю точно, перед кем должны мы были петь. Похоже, что перед вожатыми, которые вскоре собирались разъехаться по пионерским лагерям. По крайней мере, на скамейках оказалось много взрослых девиц в белых блузках и красных галстуках.

– Петушок, ничего, что без репетиции? – осторожно спросила Эльза Оттовна. Она иногда называла меня так – Петушок. Перед важными выступлениями.

Я кивнул:

– Ничего... Только пусть моя песня будет первой. – И подумал: «А потом ускользну...»

И вот наш храбрый громкоголосый Андрюшка Лаптев объявил на весь Городской сад:

– Выступает хор мальчиков Старотопольского городского дома пионеров! Руководитель Эльза Оттовна Траубе!.. – И, чуть подождав: – Песня юнги Джима из оперетты «Остров сокровищ». Слова и музыка Юлия Александровича Траубе. Солист Петя Викулов!

И я, хлопая расстегнутой штаниной, вышел к переднему краю эстрады...

Это сейчас поют с микрофоном. Приплясывает солист и черную грушу чуть ли не в рот пихает, словно обглодать хочет. Хоть ты шепотом слова произноси – техника вывезет. А тогда надежда была лишь на голос, который от природы. Хорошо, когда он есть. У меня был... Даже долгое стояние в ледяной воде не тронуло его ни малейшей хрипотцой...

Я мельком глянул на слушателей и стал смотреть поверх голов. Краем глаза видел и Эльзу Оттовну, по-дирижерски вскинувшую руки. Наш баянист Олег Иванович заиграл вступление. И я, дождавшись своего мига, запел:

С нашим домом сегодня прощаюсь я очень надолго.
Я уйду на заре, и меня не дозваться с утра...

Наверно, в этот, в последний раз я пел лучше, чем когда-нибудь в жизни. Потому что сейчас песня была не про Джима, а про меня. Мое прощание. Светлая печаль. Ясное понимание, что открывшийся путь – неизбежен...

Помоги мне в пути...

Теперь уже будто и не я пел. Я слышал себя со стороны, а сам прищуренно, сквозь появившиеся на ресницах капельки смотрел вдаль: выше зелени, в чистое небо. Туда, в голубизну, уходили серебристые рельсы. И сливались – далеко-далеко, в бесконечности. И там, в точке слияния, горела белая солнечная искра...

Но я не только эту искру видел. Там еще шел кто-то, спешил за грань пространства.

Я взглядом пробил расстояние... И вспомнил, как шли мы с мамой по шпалам из леса и я отстал, потому что решил в кустах у насыпи выбрать палку для лука. А когда опять оказался на рельсовом пути, мама была уже далеко впереди. Шла, слегка склоняясь набок от тяжести корзины в правой руке. Я кинулся следом...

Я кинулся и сейчас! Главное – обогнать свет, чтобы рельсы не успели разойтись! Тогда время обернется вспять, я догоню, удержу!.. Белая искра солнца стремительно разгорелась, надвинулась, охватила светом, и он поднял меня как на крыльях...

Часть первая ГРУППА КРОВИ

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ПУСТОТЫ

1

Мы шли по тускло освещенному подземному коридору, минуя один за другим овальные шлюзы. Юджин оглянулся наконец:

– Ну как? Протискиваешься?

– Представь себе... – выдохнул я. Давно уже привык я к шуточкам о своей фигуре и даже гордился ею. Так же, как и застарелым остеохондрозом. И на Юджина не обиделся. Тем более, что он по характеру как был мальчишкой, так им и остался...

Я знал его еще десятилетнего; этокое было костлявое существо кофейного цвета с выбеленными зноем волосами и бесенятами в карих глазах. Мы общались тогда друг с другом как приятели, хотя Юджин (Юджик, Южка) годился мне во внуки. Он и был внуком, только не моим, а Валентина Сапегина – руководителя Группы основного программирования (ГОП) и командира всей базы (по совместительству).

Вообще-то мальчишку звали Юриком, а Юджин – это кличка. На базе всем давали клички – отчасти по традиции, а также из соображений секретности. Секретность была доведена до полного идиотизма. Мы даже считались сотрудниками Ведомства безопасности, хотя ни сам Генеральный комиссар Ведомства, ни все оно, вместе взятое, понятия не имели, чем наша группа занимается... Господи, да и у самих-то у нас порой такого понятия не было: работали часто вслепую, интуиция выручала, а еще вдохновение. А иногда, как выражался Валька Сапегин, «стоцентный авантюризм». И если бы секретность была нарушена и лучшие специалисты всех разведок в самых цивилизованных странах принялись бы изучать наши программы, то смотрели бы на них, как годовалые младенцы на дощечки с письменами острова Пасхи. Потому что в известные науке параметры наши проблемы не укладывались вовсе...

База располагалась на территории археологического заповедника. Точнее, под территорией: в подземельях древнегреческой крепости, в минных галереях времен Первой осады и глубоких ангарах времен Второй мировой... Только для «Иглы» с Конусом вырыли специальную шахту. Это была святая святых – цель и смысл нашего многолетнего колдовства.

Места хватало. Ракушечные и туфовые толщи Полуострова за три тысячи лет были изрыты внутри, как старая причальная свая морскими червями. В глубину не проникала ни малейшая вибрация – это было главное условие настройки Конуса. Наверху грызли культурный слой студенты-практиканты, бродили толпы туристов, и никому в голову не приходило, что железная дверца в торце сложенного из ракушечника сарая, украшенная трафаретной надписью «Службное помещение», ведет не в кладовую с шанцевым инструментом и не в комнату с электропитанием здешнего музея, а в кабину лифта, соединяющего привычный солнечный мир с межпространственным вакуумом. Точнее, с лабораторией, где восемь почти свихнувшихся типов пытались существование этого вакуума доказать. Доказать, а затем соединить новую теорию с теорией темпоральных барьеров и понятием многомерных пространств – чтобы в конце концов связать все это в программу, условно именуемую термином «Бур».

Никто из нас не знал, какова вероятность удачи. Ясно только было, что шансов – меньше половины. И потому секретность секретностью, а денег давали гроши. Тем более, что в насто-

пившее смутное время их никому не хватало, денег-то. К тому же почти всем представителям сменявших друг друга правительств было вообще непонятно, для чего мы занимаемся своей чертовщиной. Столько средств ученая братия ухлопала без всякого толка в космонавтику, а тут еще это...

Мы нищенствовали, проклинали все правительства и Академию и... вкальвали. Порой доходило до смешного. Рокки – наш многомудрый Женька Рокалов – ухитрился смастерить сложнейший отметчик темпоральных корпускул из разбитого плейера, стеклянной банки от компота и листа фольги от дефицитной в ту пору шоколадки...

А Конус, несмотря ни на что, рос и впитывал в себя все, что мы насочиняли в своих почти бредовых гипотезах. И выстраивал это по-своему – порой с такой неожиданной логикой, что мы только ахали: «Ай да дядя Кон, голова редькой вверх!» А дядя Кон начинал понемногу проявлять не только техническую, но и философскую премудрость. И подавал надежды...

Последние три месяца до Ухода, когда стало уже ясно, что это получилось, были для меня временем лирики и отдохновения. Свои дела по навигационной настройке я закончил. Оставалось ждать. И я бездельничал один или с Юджином.

В то лето в заповеднике было пусто. Практиканты на раскопки не приехали, туристы появлялись редко. Время наступило тревожное, бестолковое, непонятное. Республики все чаще выясняли отношения с помощью бронетехники и реактивных установок, на Полуострове бурлили митинги и забастовки и не хватало хлеба. Несколько правительств возымели намерения делить Южный Военный флот (ЮВФ), стоявший в здешних глубоких бухтах. А ЮВФ сам не мог решить: делиться ли ему, или оставаться единым и никому не подчиняться, или объявить себя принадлежащим какой-то одной республике. Иногда сизые стальные корабли выходили на внешний рейд, угрожающе ворочали орудийными башнями и разносили над водой неразборчивые мегафонные команды. На крейсерах и авианосцах порой по нескольку раз в день меняли разноцветные кормовые флаги недавно возникших держав и коалиций...

– Не жизнь, а стопроцентный авантюризм, – вздыхал Сапегин. – Мотали бы вы, Пит, отсюда поскорее, пока не началась полновесная заваруха.

Но и он, и все мы прекрасно знали, что «мотать» можно лишь в строго назначенный день и час. Время ухода зависело не от истерических припадков тогдашней политики, а от многих причин космогонического характера. И мы ждали, хотя над Полуостровом сгущались тучи.

Впрочем, сгущались они в переносном смысле. А погода была чудесная – солнечная, в меру жаркая, безмятежная. Стрекот кузнечиков наполнял тишину опустевшего заповедника. Звенела потихоньку пересохшая трава, в которой синели звездочки цикория. Мир и древний покой... Тень Эллады и Византии лежала на щербатых ступенях амфитеатров, на безносых мраморных львах у музейного крыльца, на мозаичных полах разрушенных базилик...

Мы с Юджином часто бродили по развалинам, лазали по остаткам стен и башен, искали черепки посуды с черным лаковым узором и монеты, похожие на ржавые чешуйки.

А иногда мы купались и загорали на маленьком каменистом пляже под обрывом, сложенном из желтых пористых пластов. Я, несмотря на грузность, почти не отставал от чертенка Южки. И лишь когда схватывало поясницу или ноги, ложился пузом на горячую гальку и постанывал.

– Юж, ну-ка, пройдишь по позвоночнику...

Он с удовольствием вскакивал на меня. Как ласточка на моржа. Но пятки у «ласточки» были твердые, словно костяные шарики. Он ими добросовестно пересчитывал мои позвонки. Наступит, да еще и крутнется! Я наконец не выдерживал:

– Ай! Пошел прочь!

Он прыгал с меня, крутнувшись напоследок сильнее прежнего.

– Хулиган!

– Конечно... – И он плюхался рядом со мной. – Мама, как только я родился, сказала, что я хулиган.

Родители Южки где-то у черта на куличках разведывали новые нефтяные месторождения, чтобы спасти нас, грешных, от очередного энергетического кризиса. Потому их сын и торчал тут, у деда, хотя это противоречило инструкциям о секретности...

Долго лежать Юджину мешала врожденная подвижность.

– Дядя Пит, давай еще окунемся! И пойдем крабов выслеживать!

– Ну да! По камням-то лазать...

– Тебе полезно побольше двигаться. А то вон какой... Как дирижабль.

– Нахал...

– А я знаю, почему тебя так зовут – Питвик. Такое многосерийное кино было: «Приключения мистера Питвика и его клуба»...

– Там не Питвик, а Пикквик... А со мной все проще. Петр – Питер – Пит. Викулов – Вик... Склеили, вот и получилось...

Он, откатившись подальше, критически шурился:

– Все равно ты как Пикквик. Такой же... объемный.

– Во-первых, не такой же! Он жирный был, а у меня мускулатура...

– Ох уж...

– Вот иди сюда, покажу «ох уж»... Кроме того, у него была лысина. А у меня еще вполне прическа...

– Лысина – дело наживное.

– Все на свете – дело наживное... Может, и ты вырастешь и будешь как я. Или еще объемнее...

– Ну уж фигурки!

– Когда мне было десять лет, я так же считал. А вот лет через сорок поглядим...

– У-у! Это еще сколько ждать...

На меня словно тень набегала.

– Это тебе «сколько ждать». А мне – пару лет...

– Ой, да... Я забыл... Дядя Пит, а почему время в «Игле» сжимается?

– Читай Эйнштейна и своего деда...

– У них ничего не понятно... Ну как это получается? Вперед лететь – кучу времени, а обратно – за одну секунду...

– Уж будто бы тебе дед не объяснял!

– Уж будто у него время есть объяснять! Только и знает: «Будешь приставать – вмиг отправлю к родителям!..» А сам даже адреса их толком не знает. Да и я тоже...

Тень пробежала и по Южке.

– Ну ладно, двигайся ближе... Смотри... – Я среди каменных окатышей расчищал песчаную проплешину. Втыкал в песок палец. – Представь такой бур... или лучше машину, которая роет туннель для метро. За день она проходит несколько метров.

– Несколько десятков...

– Ну, не важно... А потом по вырытому туннелю все расстояние можно промчаться обратно за несколько секунд...

– Значит, корабль оставляет за собой туннель в Пространство? – он был сорванец, но умница.

– Именно. И в этом туннеле уже не Пространство, а межпространственный вакуум. В нем нет ни расстояния, ни времени. По крайней мере, по нашим привычным понятиям... И от той точки, где находится «Игла», до базы можно будет перемещаться практически мгновенно. И обратно, разумеется... Ну, конечно, не всякому, а у кого есть специальная подготовка...

– А у тебя есть?

- А ты как думал!
- У него опять появлялась вкрадчивая ехидность:
- А тебе не тесно будет в «Игле»? Она ведь совсем небольшая.
- Как-нибудь...
- Да еще твой этот... ос-те... дрозд...
- Сам ты дрозд... Это не играет никакой роли.
- А в космонавты ни с какими хворями не берут.
- Сокровище мое! Ты ведь знаешь не хуже меня, что сравнивать наше дело и обычную космонавтику – это все равно что...
- Арбуз и балет на льду, – услужливо подсказал он.
- Вот именно! Абсолютно разные принципы!..
- Но все равно ведь – путь к другой звезде...
- Но путь-то можно прокладывать по-разному! И космонавты не строят в Пространстве туннели... А у нас – Конус...
- Про Конус Южка не спрашивал, он про него и так был наслышан. Спрашивал о другом:
- Дядя Пит, а почему ты летишь, а дед не летит?
- Потому что... на свете есть ты.
- Ну и что?
- Ты и твои мама и папа. И бабушка... А у всех, кто уходит, не должно быть семьи. Такое условие. С самого начала...
- И у тебя... никогда никого не было?
- Ну... по крайней мере, не женился. Пришлось выбирать...
- А дед... он, значит, не так выбрал?
- Да он и не собирался быть в экипаже, он ведь теоретик и командир базы... И кроме того, если бы он выбрал экипаж, не было бы на свете хулигана по имени Южка.
- Ой...
- Вот именно.
- Пошли тогда купаться. Я с тобой поныряю. А то...
- Что?

Но он молчал. И я догадался: «Скоро улетишь, и неизвестно, увидимся ли. А если и увидимся, то когда еще...»

Это была постоянная печаль, постоянная заноза в душе. У всех у нас. И у тех, кто в экипаже, и у тех, кто оставался на базе. Самым «юным» – уже за сорок, и каждый понимал: те, кто останется, едва ли дождутся тех, кто уйдет на «Игле».

А Юджин – он был как раз из тех, кто все-таки дождется. По крайней мере, если все будет хорошо. И, возможно, я именно поэтому в те летние дни проводил столько времени с Южкой. Словно старался сохранить последнюю ниточку между нынешней жизнью и той, будущей, – неясной и, наверно, чужой...

2

Юджин дождался. А больше никого не осталось. Дед его – Валентин Сергеевич Сапегин, – тот вообще погиб вскоре после старта «Иглы», когда местные гвардейцы и морская пехота ЮВФ начали выяснять, в чем ведении должно быть побережье. Валентин попал под минометный огонь, пробираясь на базу...

Эх, Валька, Валька... Я вспоминал почему-то не долгие годы нашего совместного колдовства над Конусом, а совсем раннюю пору. Как вдвоем на сцене запевали мальчишечьими голосами: «А ну-ка, песню нам пропой, веселый ветер...»

А база уцелела. И тогда, и при других переделках. И несла свою службу по-прежнему. Юджин был теперь на ней главный начальник.

Мои пророчества не оправдались: не стал он круглым, как я. Это был поджарый высокий дядька с профилем римского императора. Но в глазах порой угадывалось что-то прежнее, Юджино. По крайней мере, я очень старался это заметить... Мы были теперь фактически одногодками, но Юджин – спортивный, энергичный – выглядел не в пример моложе. И это меня утешало. Не хватало еще встретить такого пенсионера с одышкой...

С первого дня мы с ним опять стали на «ты». Он – своя рука владыка – сократил до минимума, до двух суток, время адаптации и карантин. Впрочем, и базовый врач, молодой весельчак Митя Горский, не возражал. Опутал меня всякими кабелями и шлангами, оклеил датчиками, помудрил у дисплея и заявил, что я будто не в Пространстве побывал, а в гостях у доброй вдовушки.

– Далее можно адаптироваться на поверхности.

Этот процесс мы решили начать весьма нетрадиционно: в маленьком ресторане «Разбитая амфора», открытом неподалеку от заповедника. Туда мы с Юджином сейчас и направлялись.

Кабинка лифта была прежняя (или в точности как раньше) – этакий стеклянный стакан с дверцей.

– Поместишься, Питвик?

– Ох, мало я драл тебя за уши в детстве...

– Не было такого... Поднимешься – и жди меня, не исчезай во тьме...

«Стакан» унес меня по шахте вверх. Дверца откинулась. Шлюз тамбура был открыт заранее. И я шагнул в южную теплую ночь.

Пахло чабрецом и полынью. И еще какой-то знакомой травой. Сладко так, даже щемяще... И теплыми древними камнями пахло. И, конечно, водорослями. Море сонно ворочалось под обрывами. Звезды были белые, мохнатые, размером чуть не с кулак. Победно, словно завладели этим миром, трещали цикады. Ниже звезд, в черном пространстве моря, мигали маяки и створные знаки. А справа, за смутными развалинами цитадели, громоздил свои огни город. И самое удивительное – то, чего я еще не видел – это мосты над бухтами. Они возносились великанскими сверкающими арками. Их словно сделали из граненого стекла, а внутри зажгли тысячи фонарей.

Я сел на какой-то бетонный уступ. Улыбнулся этой ночи благодарно и безоглядно. Не было теперь ни печали, ни сомнений. Казалось, что впереди ждет много хорошего. В конце концов, я имел право на этот отдых души. Ведь то, что задумано, сделано больше чем наполовину. И дальше идет как надо. И я вернулся. Это ли не счастье?..

Неслышно подошел Юджин:

– Дышишь?

– Ага... Мосты какие отгрохали...

– Да. Во всех туристских путеводителях о них написано... Да только, слава Богу, туристов и курортников тут немного. Теперь городок даже малоллюднее стал, чем раньше.

– Почему?

– Пляжей-то мало, и не песок, а галька. А народ нынче привередливый... Раньше город флотом жил, а теперь флота почти нет, береговая охрана только. Мир во всем мире... Идем?

Я встал.

– Куртку возьми. – Юджин протянул мне что-то темное, просторное.

– Зачем? Жарко ведь. Или в ту забегаловку без фраков не пускают?

– Не будет жарко, это тетраткань. Наоборот, холодит. А в холод – греет. Твой микроклимат всегда с тобой. Кроме того, в ней аварийный датчик, на всякий случай... А это положи в брючный карман. – Юджин сунул мне в ладонь плоскую вещицу.

– Что это?

– Пистолет-парализатор... Только не ставь на полную мощность – а то угрожаешь кого-нибудь ненароком.

– Зачем он? Ты же говоришь: все спокойно в этом мире!

– Для пущей романтики. – Он усмехнулся. – Все же приморский город, ночной кабак... К тому же не забывай, что ты по-прежнему офицер спецслужбы. Или даже, наверно, генерал, если выслугу учесть...

– Да спецслужбы-то нет!

– Кой-какая все же имеется, куда без нее, без родимой... Там под лацканом куртки даже значок...

Я затолкал легкий, как игрушка, пистолет в задний карман, кинул куртку на плечо, и мы пошли. Город сиял у нас за спиной, но здесь было темно. Юджин вел меня каменистой тропинкой недалеко от обрыва. Головки травы скребли по штанинам.

– Юджин, помнишь, как однажды в сумерках ты угодил в какой-то лаз и мы с дедом вытаскивали тебя на веревке?

– Еще бы! Я там тогда монетку с якорем нашел. На ощупь!.. Потом я ее на цепочке носил...

– Сохранилась монетка-то?

– Да где же! Столько лет прошло...

«Всего два года», – подумал я. Но не сказал. Теперь казалось, что и я пробыл в Пространстве чуть не полвека и прежняя жизнь далеко-далеко...

...Ресторанчик был милый такой, тихий, почти пустой. С неяркими светильниками в виде древних каменных плоских. На терракотовых стенах – черные фигуры героев эпоса и квадратные завитки эллинского орнамента. Тренькала музыка – словно кто-то щупал струны у лютни.

За нарочито грубым некрашеным столом нас ждали: врач Митя Горский, рыжий и кудлатый вакуум-навигатор Витя Осинкин (Виктор) и заместитель Юджина, которого все звали Матвеич. Он был сухонький, как прошлогодний стручок акации, редкозубый и веселый. С мужчинами оказались две особы женского пола: совсем юное создание в шортах, безрукавке и с льняными волосами до пояса (видимо, симпатия Мити) и дама лет тридцати – в глухом платье с блестками, в меру подшукатуренная косметикой, пухловатая, с добродушным, домашним таким лицом. Юную звали Евой, особу постарше – Кариной.

Компания шумно и без церемоний приветствовала нас. Девушка в короткой тунике принесла бутылку из мутного, пылью подернутого стекла, керамические бокалы. Потом глиняные тарелки со всякими салатами и горячее, с запахом трав, тушеное мясо.

Я загляделся на коричневые, оплетенные ремешками греческих сандалий икры этой приветливой девушки и не сразу понял, что там объясняет Юджин. А объяснял он про вино. Оказывается, оно изготовлено строго по рецептам греческих виноделов, живших тут во времена Фемистокла.

– Напиток прекрасный, но коварный. Недаром греки всегда разбавляли вино водой. И вам советую...

Мы вняли совету. Вино и правда было чудесное. Раньше, в «доуходные» времена, я ничего подобного не пробовал. Тем более на «Игле»... Я не удержался и глотнул неразбавленного.

Хорошо тут было. И салаты, и мясо (кстати, как выяснилось, искусственное, белковое), и напиток Эллады, и бестолковый разговор ни о чем. И даже сидевшая напротив меня Карина. Она была троюродной сестрой Виктора и владела небольшим, расположенным на Верхней набережной магазином игрушек. «Да-да, именно! Плюшевые тигры, электронные марси-

ане-попрыгунчики, мини-роботы, „живые“ матрешки и старинные пишалки „уйди-уйди“. В ваши времена ведь тоже были такие, не правда ли?»

Она казалась мне малость глуповатой, но симпатичной. Уютной такой. Улыбалась мне, подвигала тарелки, потом округлила глаза и призналась:

– Ох, как это все-таки интересно и непонятно! Может, вы объясните, а? Звездолет летит там, непонятно где, а вы тут, с нами... В голове не укладывается...

Я был в блаженной беззаботности, и угловатый греческий орнамент непослушно змеился у меня в глазах. Но тут я подобрался. Глянул на Юджина со строгим упреком:

– Вот те на! А секретность?

– Да брось ты, Питвик. Кому она нужна, эта секретность? Кто хочет, все уже знает про наши дела. Да, по правде сказать, никто почти и не хочет... А в программах все равно никому не разобраться. И никому не повторить Конус.

Мне стало крайне обидно.

– Однако позвольте... д-дамы и коллеги... Все же мероприятие галактического масштаба. Туннель до звезды... не важно до какой, но до... весьма неблизкой. И что же, на Земле никого это не волнует?

Редкозубый сморщенный Матвейч как-то обрадованно разъяснил:

– Ага!.. А полсотни лет назад вспомните! Многих ли волновали все эти «Маринеры», «Пионеры», «Венеры» и прочие штуки, которые летели к другим планетам? Толком никто и не помнил, чего, куда и зачем запустили... Всех больше переделы границ волновали.

– Но это же... нес... справедливо, господа...

– Ты докажи это ученому совету, – вздохнул Юджин. – Хорошо хоть, что пока финансирование не прекратили. Да и то лишний грош не выпросишь...

А Карина перегнулась ко мне через стол (и ее коралловая цепочка угодила в салат).

– Ох, но мне это непонятно... Неужели вы все-таки одновременно и здесь, и там?..

Нет, она в самом деле была славная. И я стал добросовестно объяснять, что ее суждение не совсем верно. В принципе да, это возможно, чтобы человек сразу был в двух местах...

– Это основано на теории корпускулярности времени... Возьмите дрожащую гитарную струну: она так часто вибрирует, что практически находится сразу и в левом, и в правом положении... – Я ладонями изобразил движение струны. На полу что-то, кажется, звякнуло. Но меня не остановили. Наоборот, внимательно слушали. Слушала даже девица в тунике и с ремешками на коричневых икрах. И Карина... – То есть корпускулы времени заполнены пребыванием объекта не сплошь, а через одну. Но на практике это не играет роли, потому что интервал между ними все равно супер-микро-ско-пичен... В нашем случае, однако, такое явление может иметь место лишь в условиях темпорального сбала... лансирования. А при разномасштабности измерений темпорального потока... н-ни фи́га не получится. Говорят даже, что может произойти раздвоение субъекта, но это ф-фантастика...

Девушка в тунике вдруг сказала:

– Я, конечно, очень извиняюсь, но мы ведь уже закрываемся.

Мы шумно заспешили, тоже заизвинялись. Не хотелось затруднять и обижать работников этого славного заведения.

Но на улице я вдруг почувствовал, что на базу мне ужасно не хочется. Опять в казенный гостевой бункер – почти такой же, как жилые отсеки на «Игле».

– Может, еще погуляем? Вон какая ночь! Разве можно сейчас под землю...

Юджин сказал:

– Я вот что думаю. Все равно тебе, Питвик, нужна квартира. Не будешь ведь постоянно торчать на базе, надо устраиваться по-человечески... А у Карины две свободные комнаты, она иногда их туристам сдает... База оплатит, есть на это статья...

– Жилье, правда, староватое, на Шкиперской улице, но зато все по-домашнему, – скромно вступила в разговор Карина. – Да вы... не подумайте чего-нибудь такого...

Я ничего такого не думал. И мне ужасно захотелось в старый земной дом, на Шкиперскую улицу, тем более что в давние времена я жил неподалеку от тех мест.

На маленькой площади с зеленым корабельным фонарем была стоянка таксомоторов. Машины в стиле ретро: колеса со спицами, клеенчатые тенты. Митя и Ева заявили, что поедут провожать меня и Карину. Мы погрузились в осевший на рессорах кабриолет. Я барственно помахал оставшимся ладонью. Митя на светящемся пульте автоводителя понажимал кнопки, опустил в щель магнитную карточку. Поехали...

Быстро миновали сияющий огнями, гудящий музыкой центр. Покатили по окраинам. Здесь были желтые фонарики, белые одноэтажные улочки, плиточные мостовые. Все как раньше. Дорога запетляла, круто повела в гору. Наше авто вдруг затормозило. Автоводитель хрипло сообщил через динамик, что за такой подъем полагается дополнительная плата.

– Вот жлоб, – сказал Митя. Еще раз толкнул карточку в щель. Кабриолет рывком взял с места...

Две мои комнаты оказались не очень просторными, но приятными. Мебель была старая, люстры тоже почти музейные. Но это и хорошо для такого реликта, как я. В окнах тем не менее торчали вполне современные кондиционеры, а в простенке темнел крупный стереоэкран. А на резном, с львиными головами письменном столе – персоналка девятого поколения, класса «Доцент»...

Я поглядывался, понажимал клавиши «Доцента», подумал, что надо спросить про постель. Хмель почти выветрился, но было мне по-прежнему хорошо и беззаботно.

Карина окликнула из прихожей:

– Петр Петрович, хотите, я поставлю кофе?

– Ради Бога, зовите меня Питвик, я так привык... А кофе... Наверно, уже поздно, вы устали...

– Какие пустяки!

Мы пили кофе в ее комнате с зеленым торшером и с клеткой, где спали два волнистых попугайчика. Пили из тонких чашечек – наверно, настоящий китайский фарфор. У нас с мамой когда-то была чашечка, похожая на эти... Где-то звонко тикали часы...

Карина поднялась, обошла меня, встала за спиной. Положила мне на плечи ладони.

– Ох, Питвик, вы уже спите, по-моему... Да?

– Нет, отчего же... – Я закинул руки, взял ее за мягкие запястья с тугими ленточками браслетов...

3

Проснулся я от солнца и от гвалта попугаев. Они скандалили, как воробьиная стая. Карины не было. На краю стола – сразу заметно – лежал магнитный «секретарь». Я нажал клавишу. Голос Карины пожелал мне доброго утра, объяснил, где завтрак, и сообщил, что «я убегаю в свою лавку, сегодня должен прийти лайнер, туристы с детишками, увидимся вечером».

Завтрак я нашел. Вкусно. Нашлась и бритва (ай да Карина!). Из кармана куртки я вытащил капсулу радиотелефона, разбудил Юджина, сообщил, что сегодня у него не появлюсь, буду «вживаться» в город.

– Вживайся, – разрешил Юджин.

Лишь после этого я стал натягивать брюки...

И кто это придумал, что я толстый? Ну кругловатый, да. Но не так уж. И вполне еще достойный мужчина во всех отношениях. Даже спина не ноет ничуть...

Что-то твердое мешало мне в заднем кармане... Ба, да это же пистолет! Юджин, балда, сунул, не объяснил даже, как обращаться. Система совсем незнакомая, излучатель... Впрочем, ничего сложного: предохранитель, переключатель интенсивности. Красная риска с крошечным черепом и костями (р-романтика) означает действие на смертельное поражение. Фу ты, бред какой, кому это надо? И разве такие штуки носят без специального разрешения?.. Хотя я же чин Службы безопасности. Вот и значок на левой стороне лацкана: маленькая ладонь из желтого металла, а на ней буквы «ОГ». Видимо, Объединенная Гвардия. Ну и ну...

С курткой на плече я вышел из дома. В самом безмятежном настроении. И пошел наугад бродить по городу, в котором раньше жил почти что с детства и который не видал полвека без малого...

Шкиперская улица и вся Нагорная слободка были почти такими, как прежде. Только антенны над крышами – незнакомой конструкции, да у каждой калитки – голубые аккуратные дверцы пневмопочты.

Густо зеленели акации. На платанах кромки листьев кое-где чуть подсохли – самый отдаленный намек на осень. Но было очень тепло. Стояла первая половина сентября – здесь это совсем летняя пора, хотя и без большого зноя...

Запутанными переулками и лестницами я перевалил Зеленую горку и оказался на улице Парусных капитанов, ведущей на бульвар Первой осады, к старым бастионам.

На бастионах тоже было почти все как прежде. Так же цвела сурепка у вросших в землю лафетов. Так же чугунные бомбарды грели на солнце свои изъеденные оспинами тела. Так же, как раньше, коричневые полуголые мальчишки лазали по орудиям. На самых младших несерьдито покрикивали со скамеек бабушки. А в амбразурах и над краем бруствера синело спокойное море. В нем недалеко от берега неспешно расцветал парусами громадный пятимачтовый барк – наверно, учебное судно.

Я постоял, посмотрел, подышал и зашагал к центру.

Ноги уже слегка гудели от ходьбы (отвык топтать подолгу), спина постанывала. К счастью, попалась на пути стоянка такси-автоматов. Я плюхнулся на сиденье открытой машины в стиле «Фэтон-1909» и припомнил объяснения Юджина, как пользоваться этой техникой. Ага... вот схема городских маршрутов, вот кнопки... Ч-черт, сразу не разберешь. Начал нажимать. Динамик вдруг сказал голосом дворника-алкоголика:

– Не тычь пальцем, если не умеешь... Говори по-человечески...

– Ох... виноват, шеф. Значит, так. По всем улицам центра и по Спиральному бульвару до вершины холма.

– Сперва аванс... Карточка-то есть?

Кредитная карточка у меня была. И на карточке кое-что было. Долгое отсутствие имеет свои преимущества, за полвека на счете накопилось столько, что я мог бы, наверно, одним чохом купить целый парк таких авто и уютненькую виллу с яхтой в придачу... А вот возьму, да так и сделаю (насчет виллы и яхты). И женюсь на Карине. Потому как вовсе еще не старик. И тоже буду торговать игрушками, пока Конус там проковыривает многомерные миры... Но это позже. А пока я послушно сунул карточку в щель на панели.

– Не спеша, пожалуйста.

Фэтон мягко взял с места. Со скоростью легкового извозчика.

Я развалился на податливой мякоти сиденья и поглядывал на жизнь.

Центр оказался почти незнакомым. Новая архитектура с громадными стеклами овальных окон, плавными изгибами уходящие вверх здания. Встречались и старые дома, но они были затеряны в современных постройках. Тянулись, вздымались, нависали над улицами многочисленные мосты, эстакады, террасы – все в зелени. Этакие висячие сады Семирамиды. Красиво, ничего не скажешь. По верхним эстакадам пробегали среди листвы разноцветные вагоны и кабинки...

Народу было немало, но без обычной для юга суеты и толкотни. Зато пестрота! Казалось, нынче все тут сговорились одеваться так, чтобы удивлять друг друга или потешить свою фантазию. Попадались навстречу юнцы в разноцветных рубашках с подобием эполет и в головных уборах как у старинных польских улан. Девицы шеголяли в самом легоньком убранстве, состоящем в основном из шнурков и блесток, или, наоборот, в длинных хламидах наподобие кимоно. Многие мужчины были в шароварах и рубашках с украинской вышивкой: все новое – хорошо забытое старое... А попадались вовсе оригинальные типы: вот голый по пояс парень в цветной татуировке и с тяжелым ожерельем то ли из камней, то ли из зубов кашалота. Вот шагает загорелая дочерна старуха в полосатых шортах, в безрукавке из дерюги и в соломенном брыле, как у гоголевского пасечника. С помощью миниатюрного пульта она управляет детской коляской и при этом курит громадную сигару. А вот марширует по панели дюжина мальчишек в алых накидках и серебристых спартанских шлемах, с круглыми щитами и тонкими копьями. Отряд такой, что ли? На мальчишек смотрят с радостным удивлением две крашенные дамы в платьях, напоминающих укороченные кринолины, а точнее – шелковые абажуры с бахромой. (Интересно, сохранились ли до нынешнего времени такие абажуры?)

Впрочем, было много прохожих и в «нормальной» одежде. Мужчины часто шли в куртках, похожих на мою.

Куртка, кстати, оказалась просто прелесть. Я надел ее, когда стала донимать жара, и ощущение сделалось такое, словно только что под прохладный душ слазил. С виду куртка была как из искусственной замши, но очень легкая. Тетраткань – она и не ткань даже, а синтетический, мягкий на ощупь пористый материал небывалой прочности. А цвет у тетраткани разный, у моей куртки, например, стальной...

Фэзтон послушно катил на малой скорости и минут через сорок доставил меня на вершину холма.

Храм на холме – желтовато-серый собор в византийском стиле – в прежние времена стоял полуразрушенный со времен Второй мировой. А сейчас он был словно только что построенный, сверкал наружными мозаиками и золотом купола. Я вошел в полутемную прохладу. Было пусто, кое-где мерцали лампы и свечи. В автомате у входа я купил тонкую желтую свечу, зажег от другой свечи и поставил в боковом приделе у маленького образа Богородицы с Младенцем – похожего на тот.

– Я вернулся... Спасибо...

А может быть, поехать в Старотополь? Я ведь не был там с детства, с той поры, как переехали с мамой сюда... Интересно, сохранилась ли та красная церковь над оврагом? Незадолго до Ухода я слышал, что завод «Красный химик» по-прежнему отравляет там воздух... Только я ни за что уже не пролезу в ту щель в фундаменте...

Впрочем, Старотополь – это позже. Надо еще узнать, какие нынче правила проезда. Теперь ведь там граница... Надо же, чушь какая...

Ладно, чтобы отдать дань воспоминаниям детства, отправлюсь-ка я пока на Камчатскую.

На Камчатской я жил в первые годы после переезда из Старотополя. На этой улице кончилось мое детство. Там я впервые влюбился – в заносчивую соседку-восьмиклассницу Ленку – и познал всю горечь неразделенного чувства...

Фэзтон, несмотря на мое приказание ждать на стоянке у собора, бессовестно укатил. Ладно, не буду расстраиваться. Я опять двинулся пешком...

...Старый трехэтажный дом на Камчатской сохранился. Правда, с двух сторон его обступили новые белые здания «корабельной» архитектуры. Двор был прежний, только пирамидальные топольки стали великанами. На дворе две храбрые девчонки – рыжая и белобрысая – прыгали на доске, перекинутой через обломок пластиковой трубы. Посмотрели на меня, переглянулись, захихикали. Тоже растут будущие ленки-сердцеедки, чье-то горькое испыта-

ние. Поглядел я на бывшее Ленкино окно на первом этаже, поглядел на свое – на третьем – и пошел. Вниз по Смирновскому спуску, к школе, где когда-то получил аттестат...

Школа тоже сохранилась, только красное кирпичное здание окружено было теперь всякими пристройками и корпусами со стеклянными крышами. Я увидел знакомое крыльцо с гранитными ступенями, с навесом на кронштейнах из узорчатого чугуна. Милое, неизменное... Я и прежде захаживал сюда, когда был уже взрослым (ишь расчувствовался, старая бестия)...

Неторопливо обошел я дом-ветеран. Услышал ребячьи голоса. У торца старого здания была площадка, окруженная бетонной решеткой. На площадке – турник и какие-то хитрые штуки из труб и лесенок, наверно, чтобы лазать и вертеться.

У решетки площадка обросла здешним колючим татарником и прочими сорняками (надо же, другая эпоха, а у заборов тот же чертополох!). А в центре трава была вытоптана. И немудрено, если здесь каждый день так! Полтора десятка мальчишек с веселыми кличками носились за красным, звонко гудящим мячом. Игра была столь же древняя, как чертополох: мяч ребята перебрасывали друг другу, а один, посреди круга, ловил его. Поймает, вяпает по кому-нибудь, и, значит, уже тот – водящий...

Они играли азартно, резво, но без малейшей сердитости друг на друга, без досадливых выкриков и обид... Как раньше...

Я вспомнил, что, приехав сюда, не сразу поверил открытости и доброте приморских мальчишек. Какие-то не такие они были, как старотопольские мои знакомые. Тем палец в рот не клади, а у этих такие характеры, что все наружу: и смех, и слезы, и все свои секреты – без ехидных насмешек. Если и подерутся – это как вспышка на минуту, а потом – никакого злопамятства. Если и прозвище у кого, то веселое, озорное, без дразнилки. А если у кого случайный синяк или ссадина, окружают, сочувствуют, каждый что-то советует... Сперва в их открытости, в готовности к дружбе, даже в ласковости какой-то чудился мне подвох. Не раз я выпускал колючки, а ребята искренне удивлялись. Но скоро я понял: все по правде... Да и что удивительного? Такими и должны быть нормальные пацаны. Ведь и в хоре у Эльзы порой было что-то похожее. А Валька Сапегин вообще весь такой. Жаль только, что он остался в Старотополе... Мы встретились опять уже в университете, но тогда уж – на всю жизнь. На его жизнь, на Валькину...

Я загляделся на игру: на полеты яркого, полупрозрачного, но, видимо, тяжелого мяча, на мельканье смуглых рук и ног, на солнечные вспышки в разлетающихся волосах... Ребятишки, видимо, из средних классов, лет десяти-двенадцати. Наверно, уроки уже кончились, а домой идти неохота. Пестрые сумки и мешки брошены кучей у изгороди...

На многих мальчишках были короткие безрукавки из разноцветной тетрадки, со шнуровкой на груди, с накладными карманами, похожими на черкесские газыри. В прежние времена я такой моды не встречал. Скорее всего это было что-то вроде школьной униформы, но, видимо, не обязательной, потому что некоторые ребята бегали в разноцветных рубашках или ярких майках. При этом кое-кто босиком. Наверно, в нынешнюю эпоху такое дело не считалось предосудительным...

Мяч звенел и ухал под ударами ладоней и порой улетал мимо зарослей. Это не вызвало досады, только смех. И крепенький беловолосый мальчуган лет десяти тут же бросался в заросли. Он – в отличие от других в плотном желто-красном комбинезоне – каждый раз бесстрашно лез в колючки. Он же кинулся и через изгородь, когда мяч перелетел с площадки во двор, прямо ко мне.

Я поднял мяч (увесистый и почему-то холодный), протянул мальчишке. Он сказал с достоинством:

– Спасибо, сударь.

Старинное обращение «сударь» в прежнее, в мое время еще только возвращалось в обиход. А теперь было уже привычным. Мальчик смотрел без любопытства, но по-хорошему:

– Вы кого-то ждете? – Видимо, была в нем готовность помочь, найти, позвать кого надо. Я ответил без хитрости:

– Учился здесь когда-то. Теперь вот, случается, прихожу иногда, вспоминаю. Правда, очень давно уже не был...

Рядом оказались еще несколько мальчишек. Один откликнулся с пониманием:

– Да, наша школа старинная...

– Еще бы! Даже когда я учился, она была старинная. Бывшая мужская гимназия...

– Сейчас тоже мужская гимназия, – сообщил остроплечий, похожий на маленького Юджина мальчуган. – С гуманитарным направлением...

– А в наши времена была просто средняя школа... Вон там, на третьем этаже, окна моего класса...

– Там сейчас хранилище дискет! В этом здании почти никто не учится, только аудитория для занятий по философии осталась...

– А скажите-ка, философы, почему у вас спортплощадка такая чахлая? В наши трудные времена и то лучше была.

– А это не площадка! – загалдели они. – Стадион ниже по спуску, а здесь просто дворик! Мы здесь любим играть!

– Ну, это другое дело... А то, я смотрю, турник такой жиденький и кривой...

– Ничего не жиденький, – заступился за турник мальчишка с круглыми щеками и поцарапанным носом. – Хоть и кривой, но любого выдержит... Даже вас... Ой, извините... – Это потому, что похожий на Юджина мальчик толкнул его локтем.

– А чего же вы извиняетесь, сударь? В том смысле, что я уже не гожусь для турника?

Тот виновато засопел поцарапанным носом. А у остальных смешинки в глазах. Но не улыбаются открыто – воспитанное поколение... Меня слегка заело. Этаким школьный азарт.

– А давайте-ка поглядим... – И я пошел в калитку. Они, с недоверчивой переглядкой, за мной.

Я снял куртку, дотянулся до перекладины. И в самом деле крепкая. Я повис на правой руке. Сперва – как мешок. Потом тренированным усилием убрал из тела тяжесть. Подтянулся раз, другой, третий. Сменил руку, выжался на левой. А потом еще с десяток раз на двух руках. Сделал переворот (перекладина застонала, спина, по правде сказать, тоже)... Мальчишки стояли с приоткрытыми ртами. Наверно, слон, забравшийся на кипарис, не удивил бы их так.

Я снова обмяк, грузно спрыгнул, больно отдалось в позвоночнике. Ну ничего... Приложил два пальца к виску, подобрал куртку и зашагал с площадки. Услышал сзади запоздалое «до свидания», а потом неуверенное:

– Наверно, из цирка...

От школы я побрел наугад и вышел к подвальному ресторанчику с милым названием «У нас все есть». Вспомнил, что время обеденное. В ресторанчике действительно было все, кроме посетителей. Последнее обстоятельство особенно мне понравилось, поскольку бармен и два супервежливых официанта-робота (этакие сооруженьца на колесиках, с четырьмя членистыми руками и глуповатыми резиновыми лицами) полностью излили свое гостеприимство на мою персону.

Белое вино и рыбные блюда были восхитительны, хотя я и подозревал, что запеченная осетрина – искусственного происхождения. Обед подвигнул меня на продолжение экскурсии, а улица Ржавых якорей (насколько я помнил – бывшая Первых пятилеток) привела меня к широкому белому зданию кинотеатра «Посейдон».

Показывали вторую серию «Властелина колец» – по старинной эпосе Толкиена. Я зашел: любопытно, какое оно, нынешнее кино? В полукруглом зале распахнулся громадный стерео-экран...

Игра артистов не очень мне понравилась. Была в ней нарочитая трагедийность. По моему, хоббит не должен вещать как Гамлет. Но технически фильм был сделан отлично. Сумрачные пространства Средиземья дышали в зал древними запахами заповедных лесов и болот. Глубина и ширь были абсолютно реальными. Дикие птицы проносились у лица. А во время одной битвы чей-то меч по-настоящему вылетел из экрана и зазвенел на авансцене. Не знаю, как уж это было сделано.

Фильм был очень длинный. Когда я вышел, уже вечерело. А когда оказался на Корабельной набережной с памятником Парусной эскадре, малиновое солнце тонуло в светлой воде.

Я постоял, посмотрел на закат.

Зажглись фонари. Сзади, в Приморском саду, играла музыка. Старая мелодия Листа, «Грезы любви». Воистину вечная музыка...

Я пошел сквозь полутьму аллеи и оказался на площадке перед эстрадой. Узнал это место: эстрада та же, что в прошлые времена, те же каменные львы по краям. Только скамейки другие, с удобными спинками.

К сожалению, я опоздал: пианист уже уходил со сцены... Публика, однако, не расходилась. Ее, кстати, много было, публики. Я с трудом нашел свободное место недалеко от прохода. Посмотрим, какой музыкой тут еще угостят.

Люди вдруг зааплодировали. На освещенную эстраду выходили мальчики. Сразу видно – хор. В концертных костюмах: серые брюки, узкие черные курточки до пояса, пышные жабо. Этакая праздничность и в то же время академизм... Певцов этих здесь, видимо, знали и любили. Пока ребята выстраивались на ступенях в три ряда, аплодисменты не стихали. Лишь когда вышел вперед маленький объявляла, стало тихо. (Так это все знакомо! Аж сердце защемило.)

Голос у мальчишки натренированный – чистый и громкий:

– Дамы и господа! Вас приветствует хор мальчиков «Приморские голоса». Руководитель хора Феликс Антуан Полоз!

Ишь как, «Феликс Антуан»...

Маэстро Полоз вышел под аплодисменты, склонился, постоял так несколько секунд. Качались очень длинные рыжие локоны. Потом он выпрямился. Тонкий, высокий, неулыбчивый. Лицо его мне показалось не очень-то приятным – с тенями под глазами, длинное, но с округлым и дряблым подбородком. Впрочем, издали не разглядеть...

Сперва исполняли кантату Олега Савченко «Легенда о черном альбатросе». О композиторе таком я не слышал раньше, но музыка была хорошая и пели мальчишки отлично. И я хлопал вместе с остальными от души.

Потом стройный белокурый солист лет двенадцати прекрасно исполнил «Аве Марию», и публика опять бурно выразила свой восторг. Солист и Полоз поклонились, стоя рядом. Мальчик ушел, а Феликс Антуан Полоз обвел притихшую площадку тяжеловатым взглядом и заговорил. Голос был неожиданно глухой и низкий:

– Почтенные наши слушатели. Я вижу среди вас много знакомых лиц. Следовательно, здесь собралось немало поклонников нашего дружного творческого коллектива. Все, кто знаком с «Приморскими голосам» давно, знают, что я занимаюсь историей хорового пения. Точнее – историей пения мальчиков. Это древнее искусство, оно уходит корнями в глубь тысячелетий, когда чистые голоса мальчиков под сводами храмов просили у разных богов благоволения и помощи в земном бытии... – Полоз говорил, не поднимая лица. Рыжие локоны покачивались у плеч. – Многие из этого искусства дошло до наших дней. Но гораздо больше скрыто в напластованиях времен. Скрыты гимны, молитвы и песни удивительной искренности и красоты, большой теплоты и лиричности... Интуиция исследователя и новейшая техника помогают мне иногда раскапывать крохи этих скрытых от нас сокровищ. Вы помните, конечно, что наш хор

уже неоднократно знакомил вас с забытыми произведениями прошлых веков – результатами таких находок...

Полоза слушали в почтительной тишине. Кажется, никто не замечал, что за уважительным тоном кроется этакая снисходительность. Даже еле заметное пренебрежение к сидящим перед эстрадой.

Или мне показалось? Собственно, что я мог иметь к Полозу? Я его совсем не знал, хор его пел прекрасно, и сам маэстро, судя по всему, от души был увлечен этим искусством. И все же, все же... Может быть, царапнули меня его слова о проникновении в прошлое? Но что здесь плохого?

Я отогнал от себя непонятную досадливость. Однако какое-то предчувствие осталось. Ожидание чего-то не такого. Как там, в «Игле», когда вроде бы во всем полное благополучие, но вдруг мы трое – Рухадзе, Дон и я – переглядываемся и ждем. И точно – через несколько минут датчик начинает сигнализировать, что барахлит вакуумный изолятор...

– Господа, сегодня я познакомлю вас с гостем из прошлого века. В том сумрачном столетии было много непризнанных и забытых талантов. Судьбы их оказались горькими, музыка их до нас не дошла. Среди них – Юлий Александрович Траубе, автор незаконченной оперетты «Остров сокровищ»...

Я, словно на тренажере-антиграве (были полсотни лет назад такие), начал проваливаться в невесомость. Усилием воли задавил в себе жутковатое замирание. Даже мысленно прикрикнул на себя: «Ну чего ты, дурак! Радуйся! Такое счастливое совпадение! Весточка из детства!»

Совпадение?

Ну а чем еще это может быть? Ведь не специально же для меня готовил Полоз такой номер. О моем возвращении знали всего несколько человек...

– Я не называю вам имени солиста, – продолжал глуховато вещать Феликс Антуан. – Пусть для вас, так же как и для меня, это будет просто гость из прошлого. Из того времени, когда только закончилась Вторая мировая война...

Я не смог полностью убедить себя в обычности происходящего. Нервы мои были уже готовы ко многому. И они почти не дрогнули, стало даже как-то спокойнее, когда вопреки всякой логике ожидание сбылось. Когда на эстраду впереди хора вышел... я.

«ГУСИНАЯ ЛАПКА»

1

Надо же было так подобрать мальчишку! Двойник, да и только.

В детстве я, грешен был, часто украдкой вертелся перед зеркалом: изучал свое лицо, повадки, движения. Пытался отыскать в себе хоть какие-то признаки героичности, не находил и огорчался. Но зато прекрасно изучил себя. Все это в памяти сохранилось навсегда, и теперь я узнал тогдашнего Петьку Викулова. Мгновенно. По манере чуть настороженно взглядывать на зрителей, по тому, как он споткнулся о неровную плитку пола и шевельнул губами (символически сплюнул: ведь запнуться левой ногой – это к неудаче). Как зашевелил пальцами у оттопыренных карманов на мятых потрепанных штанах.

Я не мог ясно различить лицо, но все же узнавал и его. И отросшую белобрысую челку, в которой одна прядка торчала непослушно, как вздыбленная клавиша...

Да, это безусловно был я. И не просто я, а из того запомнившегося дня, когда Эльза Оттовна изловила меня у оврага и уговорила выступить на ответственном концерте. Я тогда только что выбрался из церковного подвала, где оставил сосновый кораблик. Оставил с молитвой о спасении меня от одиночества. И было мне в тот момент вовсе не до песен. К тому же в хор я уже не ходил, обиделся на что-то. Или на то, что мне там не достался концертный костюм, или... А, вспомнил! В школе у меня отобрали пионерский галстук, а без него я выступать отказывался. Этакая жгучая реакция на несправедливость...

Но Эльза Оттовна все же уговорила меня. Сказала, что для этого номера годится моя обычная одежда, а вместо галстука дала свою косынку – «морскую», синюю с белыми полосками...

Вот сейчас, почти через сто лет, я и стоял такой, как тогда. С этой самой косынкой на трикотажной полосатой рубашке, в стоптанных сандалиях на босу ногу, в перемазанных глиной штанах, застегнутых под коленками. Впрочем, одна пуговица оторвалась и штанина болталась вокруг ноги.

Мальчишка в точности моим жестом потер под носом согнутым указательным пальцем, быстро облизнул губы, глотнул и стал смотреть поверх голов, слушая, что говорит объявляла.

– Песня юнги Джима из оперетты «Остров сокровищ». Музыка и слова Юлия Траубе...

Я почти успокоился. Совсем успокоился. Отодвинул тревогу, догадки, вопросы назад. Все потом... Из динамика мощным вздохом донеслась музыка оркестрового вступления и сразу сбавила свою мощь, уступая место голосу...

Я никогда не слышал свое детское пение со стороны. Ведь в то время мы еще не знали магнитофонов. И сейчас мне показалось, что этот голос – не мой, что я в мальчишечьи годы пел вовсе не так чисто, звонко и ясно. Впрочем, сейчас мальчику, видимо, помогал микрофон. Мысль об этом проскочила и забылась. В следующие секунды я уже весь ушел в песню, буквально сливаясь с маленьким солистом и ощущая себя там, на эстраде...

С нашим домом сегодня прощаюсь я очень надолго.
Я уйду на заре, и меня не дозваться с утра...
Слышишь, бакен-ревун на мели воет голосом волка?
Это ветер пошел... Помоги мне осилить мой страх...

Я чувствовал каждым нервом: мальчишка поет с настоящей горечью расставания. С закипающими в душе слезами. Так же, как я тогда! Ведь в тот день это было для меня не простое

выступление. Я знал: что-то ломается в моей жизни. И пел – словно в последний раз. Мало того, сразу после выступления убежал со сцены и разревелся в кустах за эстрадой...

Да, я ощутил себя на месте этого мальчика. Вместе с ним дышал знакомой мелодией, повторял каждое слово.

Разве я виноват
В том, что создал Господь океан
И на острове дальнем
Клинками скрестились пути?..

Вспышка на скрещенных рельсах мгновенно сверкнула в памяти, но песня уводила дальше:

Я молю, помоги мне в пути моем бурном и длинном,
Не оставь меня в мыслях, в молитвах и в сердце своем...

Мальчик закончил (я закончил!) петь. Стихли заключительные аккорды.

Нет, этот Петька Викулов не убежал. Он стоял, опустив голову, мял у карманов материю старых штанов. Потом, когда Полоз тронул его за плечо, он неловко поклонился. И вместе с Полозом они ушли в боковую дверцу.

Через четверть минуты Полоз вернулся.

И только сейчас грянули аплодисменты. Сумасшедшие! С топотом и восторженными воплями! Многие орали: «Бис! Бис!!» Но Полоз покачал головой, показал на дверцу, за которой скрылся мальчик, тронул горло: солисту, мол, трудно петь второй раз...

Шум и хлопанье постепенно стихли.

Объявляла громко сообщил, что в заключение концерта хор исполнит песню «Лунная дорога». Это вызвало у публики новое оживление и одобрение. Но я «Лунную дорогу» слушать не стал. Выбрался с площадки, прошел через темные кусты и встал позади эстрады.

Здесь неярко светил одинокий фонарь. Неподалеку стоял длинный серебристый автофургон, похожий на притаившийся под деревьями аэростат.

Я замер у кромки кустов и думал: что же делать?

В том, что какие-то действия нужны, сомнений у меня не было.

Песня Джима все еще звучала во мне и властно уводила назад, в разбуженное старотопольское детство, но мысли уже были четкими (ох, четкими ли? Очень даже растрепанными. Но все же связными).

Все это явно не случайно.

Но зачем все это понадобилось Феликсу Антуану Полозу?

В самом деле хотел удивить слушателей «Песней Джима», которую раскопал хитрым способом?

Ну допустим. Но откуда он узнал про меня? Как? И зачем? Для чего этот маскарад солиста?

Да нет, не простой маскарад. Точнейшее повторение Петьки Викулова через девяносто с лишним лет...

Правдоподобнее всего было предположить, что маэстро все же как-то узнал о моем возвращении. Возможно, он знаком с кем-то из наших с базы. И решил сделать мне сюрприз...

Нет, чушь! Как он мог догадаться, что я окажусь в этот вечер у эстрады? Ведь никто меня не приглашал...

И в любом случае Полоз не мог знать столько всего. Ну, допустим, нашел песню, узнал, что пел ее именно я, но как он мог раскопать мельчайшие детали: вплоть до синей косынки, до оторванной пуговицы?.. И как он сумел найти мальчишку, который даже под носом почесывает тем же движением, что и я?..

Это была мистика...

Впрочем, о мистике ли говорить тому, кто связан с Конусом и корпускулярной теорией времени? Наш брат нагладелся на всякое. И все-таки мы знаем точно: обратного хода Времени нет. Значит, и чуда быть не могло...

Но оно было...

Или чудо, или какая-то мистификация. Жутковатая...

Тревога опять крепко стиснула мне душу. Нехорошо стало. И вот что странно – тревога была за того мальчишку.

По опыту я знал, что с предчувствиями шутить не следует. Предчувствие – это эхо информации, опережающее связный сигнал. И кроме того, я все равно не успокоюсь, пока не выясню, что к чему...

Но то же предчувствие подсказывало: обращаться к Полозу не следует. По крайней мере, нельзя это делать сразу, сейчас.

«Лунная дорога» (оказывается, старая неаполитанская мелодия без слов) отзвучала. Отзвучали и аплодисменты. Слушатели стали шумно расходиться с площадки. А из двери позади эстрады стали выскакивать под свет фонаря хористы. И бежали в автофургон.

«Неужели уедут?» – испугался я.

Но нет, вскоре мальчишки стали выпрыгивать обратно. Видимо, фургон служил костюмерной. Ребята оставляли там концертные наряды и выскакивали уже в обычной летней одежке. Правда, на некоторых сверху были еще свитеры или короткие плащи-накидки. Видимо, юные таланты опасались вечерней зябкости, хотя, по-моему, ее вовсе не чувствовалось. Воздух был теплый, ласковый, пересыпанный трелями цикад.

Я обратил внимание, что кое-кому из мальчишек верхней одеждой служили мужские куртки со взрослого плеча. Вроде моей. Просторные, с подвернутыми рукавами, они балахонисто болтались на щуплых пацанах, укрывая их до колен. Из-под курток забавно торчали тонкие смуглые ноги, иногда босые. Моему непривычному взгляду подобный наряд казался довольно нелепым. Но видимо, здесь была такая мода. Никто из взрослых не удивлялся, не обращал на мальчишек в больших куртках внимания.

Взрослые подходили к ребятам и уводили их с собой. Видимо, это были родители, сидевшие на концерте. Их, кстати, оказалось немного. Большинство маленьких артистов разбежалось без мам и пап – стайками и в одиночку.

Полоза и моего маленького двойника не было видно. И я даже был рад этому. А то выйдут – и что мне делать?

Я понимал, что для начала следует завести разговор с кем-нибудь из ребят. Глянул, чтобы выбрать собеседника. И тут мне повезло. Прямо на меня выскочили двое, причем один – знакомый! С поцарапанным носом! Из тех, с кем я днем беседовал у школы.

Я стоял у кустов, загораживая тропинку. Мальчишки буквально вlepились в мой обширный живот.

– Ой, извините...

– Ничего, – сказал я снисходительно. И сделал вид, что весело удивился: – О, да мы уже встречались нынче! Рад видеть вас опять, маэстро!

– Ага... Здравсьте... – «Маэстро» слегка смущенно шмыгнул поцарапанным носом.

Его приятель деликатно осведомился:

– Мы вас не очень стукнули?

– Не очень. Меня трудно своротить с места...

Они посмеялись. И смотрели открыто, без боязни и подозрения, вольные дети счастливого города, где нет никакой опасности для маленьких жителей. Большие тетратканевые куртки висели на их плечах, как рыцарские плащи.

– Я слушал ваш концерт, – сказал я. – Замечательно вы поете. Могу сказать со знанием дела, поскольку в детстве сам пел в мальчишечьем хоре. Правда, было это в незапамятные времена. И сейчас в это трудно поверить, глядя на мою монументальную фигуру...

Мой знакомый опять вежливо посмеялся, а его приятель – рыженький и серьезный – сдержанно возразил:

– Ну почему же...

Видимо, он уловил, что я подлаживаюсь к ним.

Надо было приступить к делу.

– Кстати... – сказал я и ощутил, как засосало под сердцем. – Я очень был похож на вашего юного коллегу, который пел «Песню Джима». И, между прочим, сам я тоже исполнял эту песню. Любопытно узнать, как зовут этого голосистого юнгу?

Фонарь светил ребятам в спину, лица их были в тени, но я все же заметил, как скользнуло по лицам недовольство.

– Мы не знаем, – неохотно отозвался хорист с поцарапанным носом.

А другой проговорил чуть насупленно:

– Это же не наш солист...

Чего-то подобного я ждал! И стало еще тревожнее. Но я изобразил легкое такое, небрежное удивление:

– Вот как? Ваш руководитель маэстро Полоз практикует приглашение звезд со стороны?

– Он много чего практикует, нас не спрашивает, – уже с откровенной хмуростью сообщил рыженький. – Он любит эффекты.

– Ага, – простодушно подтвердил обладатель поцарапанного носа. – Приведет незнакомого пацана прямо на концерт и говорит: «Этот мальчик будет сегодня петь с нами...»

– Но как же так? Без репетиции?

– Репетиции бывают, но с кем-нибудь из наших солистов. А в последний момент – здравствуйте, вот вам новенький.

– А после концерта – до свидания, – вздохнул рыженький. – Даже познакомиться не хватает времени...

– Почему так?

– Ну... – Поцарапанный нос пожал плечами. – Он говорит: «Эти дети из других коллективов, им надо скорее обратно...»

– Обидно вам? – посочувствовал я.

Рыженький возразил рассудительно, однако не очень искренне:

– Главное, чтобы номер получился, а обид в искусстве быть не должно.

– Это господин Полоз так говорит?

– Ага... – выдохнул поцарапанный нос. Сокрушенно и дурашливо.

– Значит, ничего вы про этого юнгу не знаете...

– Не-е, Полоз нам не говорил... А вы спросите его самого! – оживился поцарапанный нос. – Вон они идут!

От эстрады – не там, где фургон, а с другой стороны – шли Полоз и загадочный солист. Мальчик был в той же одежде, что на сцене. Он что-то возбужденно говорил Полозу. Тот наклонился и, отвечая, придерживал его за плечо.

Они уходили.

– До свидания, судари мои, – торопливо сказал я мальчишкам. И через кусты, спиной вперед вышел на аллею.

Полоз и мальчик были метрах в десяти. Я двинулся следом. Они свернули к выходу из сада. Недалеко от арки стоял на обочине темно-красный, плоский, как черепаха, автомобиль. Полоз открыл дверцу, мягко, но настойчиво поторопил мальчика (тот будто сомневался: ехать или нет?). Сели, дверца захлопнулась.

Что было делать? Крикнуть: «Подождите»? Я чувствовал: нельзя. Но ведь сейчас уедут, и тогда ищи-свищи... Вот машина уже тронулась...

К счастью, такси с автоводителем высадило у тротуара парочку и зажгло зеленый фонарик. Я прыгнул в фаэтон:

– Вперед! Вон за той красной машиной!

– Преследование запрещено правилами, – капризным жестяным голосом сообщил динамик.

– Балда! Это мои друзья, мы едем в гости! Если отстану – заблужусь, не знаю адреса. Жми!

– Тогда двойная плата, – сообщил этот механический жлоб.

– Черт с тобой! – я сунул кредитную карточку в щель из панели.

Машина Полоза уже мигала рубиновыми огоньками в конце квартала. Но получивший двойную плату электронный водитель оказался мастером. Скоро догнал красную «черепаху» и поехал сзади метрах в сорока.

Сперва мы катили среди других машин, и Полоз едва ли мог заподозрить слежку. Но скоро магистрали центра сменились нешумными улицами с бледными фонарями. А затем потянулась каштановая аллея, где сквозь листву еле пробивался свет окон. Это был район окраинных коттеджей.

– Не приближайся, держи интервал, – велел я. – И пригаси фары.

– А говорил – друзья, – хмыкнул электронный нахал.

– Тебе заплатили, сколько просил! Делай, что сказано.

Машина капризно вильнула, но послушалась.

Через минуту я увидел, что автомобиль Полоза свернул в какие-то ворота.

– Проедешь мимо и затормозишь метрах в двадцати...

Фаэтон так и сделал. Уже без комментариев. Я вышел.

– Прикажете ждать? – официально спросил динамик.

– Можешь ехать.

2

Такси укатило. Я быстро пошел назад, к решетчатым воротам, над которыми висел граненый фонарик с яркой лампочкой-свечкой.

За воротами в глубине темных зарослей светились окна. Судя по всему, там стоял средних размеров особняк.

Я услышал на миг два голоса: мальчишечий и взрослый – Полоза. Потом закрылась дверь.

Самое теперь было дело – перемахнуть невысокую узорчатую изгородь и пробраться к окнам. Но я понимал, что изгородь наверняка с электронным сторожем. Сразу в доме поднимется трезвон!

Я торопливо пошел вдоль заборчика. Он скоро закончился. Точнее, свернул, следуя узкой аллее, которая огибала двор и сад. И я свернул. И оказался совсем недалеко от боковой стены дома, в которой горело широкое овальное окно. Гореть-то горело, но увидеть ничего я не мог: нижнюю половину окна закрывали кусты.

Я обернулся. Неподалеку выступал из тьмы толстый изогнутый ствол дерева. Я подошел, положил руки на теплую бугристую кору.

«Ну, ты прямо совсем как пацан, – мелькнула мысль. – Затеял игру в сыщики, старый дурень...» Но предчувствие было сильнее насмешки. Нет, не до игры тут... Я поднапрягся, прогоняя из тела остеохондроз и лишнюю тяжесть. Все-таки великое дело аутотренинг по системе доктора Павлова-Садовского, вечная ему память... Напружинил руки, скакнул на изгиб ствола. Отсюда ствол уходил вверх вертикально, однако было на нем немало удобных выступов и сучьев. Я, проталкиваясь головой через листья, поднялся метра на три. Колючий каштан угодил мне за шиворот. Будь он проклят, пришлось вытряхивать... Повозившись, я отыскал в черных разлапистых листьях разрыв, глянул сквозь него.

Окно было передо мной. И – вот удача! – не задернутое шторами. Сквозь него я увидел просторную комнату или, вернее, холл с зеленой мягкой мебелью. Ну... а дальше-то что? Холл был пуст. И чего я добьюсь, разглядывая кресла и паркетные плитки?..

А вокруг была душная тьма, в которой надрывались цикады. Сладковато и печально пахло миртом или еще каким-то кладбищенским растением.

Я опять подумал, что все это глупо и неприлично. И хотел полезть вниз. Тут-то и появились в холле Полоз и мальчик.

Мальчик что-то нерешительно и встревоженно спрашивал. Полоз, кажется, его успокаивал и давал объяснения. Потом, обняв за плечи, повел мальчика к двери за салатовой портьерой, мягко подтолкнул его, заставил переступить порог и дверь закрыл. Показалось даже – повернул ручку запора.

В этот миг я снова ясно ощутил себя на месте мальчика – как боюсь идти в незнакомую комнату и в то же время стесняюсь показать эту боязнь и стараюсь потянуть время нервными вопросами...

Полоз остался один, постоял, взял себя за локоны и... стянул их с головы. Парик!.. Голова у Полоза сразу стала похожа на огурец, украшенный темным ежиком короткой стрижки.

Феликс Антуан положил свою артистическую шевелюру на полированный столик, сел в глубокое кресло, откинулся, но голову держал напряженно. Похлопал тонкими пальцами по пухлым подлокотникам. Лицо у него было какое-то... выжидательное, что ли. С неприятно обмякшими губами и подбородком...

Я вдруг крепко разозлился на себя. Сколько можно валять дурака? Если что-то хочу узнать, надо действовать решительно!

Через полминуты я опять был у ворот. Отыскал глазами клавишу сигнала (под металлической картинкой с гномиком), рывком надавил. Почти сразу рядом задышал скрытый динамик. И отозвался картавым лилипутским голосом:

– Что вам угодно, сударь?

– Я хотел бы видеть маэстро Полоза.

– Кто вы, сударь? – осведомился динамик.

– Я... ну, скажем, поклонник творчества господина Полоза...

– Но... – в картавом голосе проступило вежливое негодование, – маэстро не принимает в столь позднее время. Он устал после концерта.

Я понял, что известная доля решительности здесь не повредит.

– Маэстро, возможно, догадается, что, если ему наносят визит именно в такой час, на то есть причины. – И добавил уже совсем нахально: – Полагаю, что наша встреча в интересах самого маэстро.

В динамике нерешительно задышали. За дыханием ощутилось пустое пространство, из глубины которого донеслось:

– Отопри, Карлуша, и проводи. Не спорь...

– Вы один? – осведомился динамик. Это было глупо. Инфракрасный глаз электронного привратника видел, конечно, что я один.

– В полном одиночестве, без злых умыслов и без оружия, – добродушно откликнулся я. И понял, что соврал. Потому что в ту же секунду вспомнил о маленьком «ПП» – пистолете-парализаторе в заднем кармане. Вспомнил с удовольствием, хотя тут же упрекнул себя в мальчишестве.

Решетчатая калитка звякнула и отошла. Я пошел к дому по хрустящему ракушечнику. Над кустами зажглась цепочка фонариков. Вышел на крыльцо и заковылял ко мне навстречу кособокий человечек с бабьим лицом и длинными руками: полукарлик-полуурод. Сказал знакомым лилипутским голосом:

– Следуйте за мной, сударь.

Видимо, это и был Карлуша.

Он ввел меня в мягко освещенный зеленый холл. Полоз встретил гостя стоя. Он опять был в парике.

Осторожность подсказывала мне, что не следует называть свое полное имя и фамилию.

– Добрый вечер, маэстро. Позвольте представиться. Петр Питвик, сотрудник лаборатории темпоральных исследований...

Полоз чуть заметно дрогнул лицом, но не изменил брюзгливого выражения. Протянул узкую холодную ладонь. Потом показал на кресло. Молча.

Сели.

– Прежде всего прошу принять извинения за столь позднее и непрошеное появление, – светски начал я.

Полоз принужденно улыбнулся:

– Как сотрудник темпоральной лаборатории, вы наверняка знаете о ценности времени. Я тоже. Посему приступим сразу к причине вашего визита.

Я напряг спину (заболела не вовремя, скотина) и глянул в глаза маэстро. Они были слегка навывкате, ярко-синие, со стеклянной прозрачностью и оранжевыми жилками на белках.

– Господин Полоз, я имел удовольствие присутствовать на концерте вашего хора и вынес с него самые глубокие впечатления...

Полоз шевельнул губами в чуть заметной недоверчивой улыбке. Слегка наклонил голову. Я продолжал:

– Все номера безусловно хороши, но самый яркий из них – «Песня Джима». Она запала мне в душу столь глубоко, что возникло неодолимое желание побольше узнать о главном исполнителе...

Полоз мигнул. Я не отводил взгляда от его зрачков.

– Кто этот солист? Как его зовут и где вы этого мальчика нашли?

Полоз наконец опустил глаза:

– Однако же, сударь... Вам не кажется, что ваши вопросы и сам ваш тон отдают некоторой бесцеремонностью? Почему я должен отвечать?

– Думаю, вы догадываетесь, что у меня есть веские причины для вопросов...

– Догадываюсь, что есть. Но хотел бы их знать. Разве это не логично!

Я чувствовал, как нарастает в нем напряжение. И сам я тоже сохранял спокойствие с трудом. Потому что во время всего разговора помнил, знал, ощущал, что в соседней комнате заперт мальчишка. Тот, который необъяснимо связан со мной. И которому, кажется, что-то грозит.

Видимо, пора было идти напролом. Тем более, что Полоз опять смотрел мне в глаза – теперь скучновато и уверенно. Возможно, уверенность эту придал Полозу Карлуша – он бесшумно возник рядом с его креслом.

– Да, Карлуша, да, – сказал Полоз, не отрывая от меня глаз. – Немедленно... А потом принеси кофейку...

Что значит «Да, немедленно»? Я скользнул взглядом за Карлушой. Но он проковылял не к двери за портьерой, а из холла.

Не знаю почему, но я опять вспомнил о «ПП». И шевельнулся в кресле так, чтобы задний карман был посвободнее. В эту секунду резко мигнул в лампах свет. И еще раз... Я вздрогнул. Нервы, черт возьми. А Полоз – тот, наоборот, неуловимо расслабился. И напомнил мне со смесью учтивости и вызова:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.